

140

В СЕРДЦЕ
ТАК МНОГО
СОЗВЕЗДИЙ

СБОРНИК ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПОСВЯЩЁННЫЙ 140-ЛЕТИЮ Н. ГУМИЛЁВА

Валерия Богданова

В сердце так много созвездий

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74281416

*В сердце так много созвездий: сборник прозы и поэзии, посвящённый
140-летию Н. Гумилёва / сост. Валерия Богданова: Четыре; Санкт-*

Петербург; 2026

ISBN 978-5-908079-94-5

Аннотация

Эта книга – жест преодоления времени. В ней проза и поэзия смыкаются не по законам жанра, а по общему праву быть причастными к судьбе поэта Николая Гумилёва – классика Серебряного века. Здесь нет ни музейной пыли, ни помпезных подражаний – только попытки заключить в строки ритм скачки конквистадора, разглядеть карту Абиссинии в изгибе сонета. Книга для тех, кто знает: поэзия – не утешение, а ремесло, требующее мужества, и география души простирается далеко за пределы нанесённых на карты берегов.

Содержание

Борис Алексеев	6
Из цикла «Небесные хроники»	8
Срок жизни	8
Смерть Николая Гумилёва	9
Два стихотворения памяти Осипа	10
Мандельштама	
«Как лист бумаги подержанной...»	12
М. И. Цветаева. 1940 год, одна из	13
последних фотографий...	
Памяти Андрея Вознесенского	15
Памяти Беллы Ахмадулиной	15
Читая книжицу Н. Рубцова	16
«Подорожники»	
Памяти Высоцкого	18
Римма Байтимилова	20
Андрей	22
Лариса Башкирцева	27
Северные и зарубежные «встречи»	29
с Николаем Гумилёвым	
Север – Кольский полуостров – Мурманск	29
Франция – Париж	36
Польша – Варшава – Лодзь	38
Кронштадт – Санкт-Петербург	40

Светлана Белка	43
Избушка	45
Мыльный пузырь	47
Посмотри в глаза чудовищ	48
Смотри вперёд!	50
Инструкция по потерям	51
Анна Биюшкина	53
«Родился дворянский сын...»	55
«Наша песня давно уже спета...»	57
«Огромная луна висит на небесах...»	59
Альфред Бодров	61
Сын ответственного папаши	63
Дарья Ботина	74
Звезда Амру	76
Тень фараона	79
Вениамин Бычковский	82
Ангелы во плоти	84
Бабье лето	92
Животворящий крест	107
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**В сердце так много
созвездий. Сборник прозы
и поэзии, посвящённый
140-летию Н. Гумилёва**

**Составитель
Валерия Богданова**

издательство

ЧЕТЫРЕ

© Издательство «Четыре», 2026

Борис Алексеев

Москвич. Окончил МИФИ. Работал в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова. Оставил физику и посвя-

тил себя изобразительному искусству. Вступил в Московский союз художников (МСХ) как иконописец. За работы по росписи храмов награждён орденами Русской православной церкви – преподобного Сергия Радонежского (III ст.) и преподобного Андрея Рублёва. В 2017 году принят в Московскую городскую организацию Союза писателей России (МГО СПР). В 2020 году награждён званием «Заслуженный писатель МГО Союза писателей России» и медалью МГО СПР «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

Из цикла «Небесные хроники»

Срок жизни

Я, как травник, житейские даты
собираю на дальних угодьях,
их с сухими слезами смешиваю
и настаиваю, как снадобье!..

...Гумилёв Николай Степанович,
замечательный русский поэт,
был расстрелян под некоей Бернгардовкой
тридцати пяти от роду лет.

Мандельштам Осип Эмильевич
сочинял на обрывках страниц,
а потом в сорок семь как выдохнул,
брызнув кровью закатных зарниц.

Жизни срок исчисляя по копоти
(год за годом – не счистить уже),
я готов поделиться опытом,
как глотать секунды-драже!

Но к чему увеличивать сроки?

Мир жесток – а талант раним.
И добавленных дней жестокость
отрицается им самим.

Оттого и живут «по-соседски»,
поделив в коммуналке клозет,
гениальные малолетки
и пустые хранители лет.

Смерть Николая Гумилёва

*Признак мудреца – великодушиное забвенье!
Lone de Vega*

Гумилёва читаю, как пью,
и не надо вина.
Золотистая речь
рассыпается жемчугом моря.
Припадаю к источнику,
фыркаю, жмурю глаза
И на миг забываю,
что пью послесловие горя.

Горе входит, как тень,
и неспешно ложится у ног.
Оно трогает кожу
и лижет случайные мысли.

Господин Гумилёв,
Вы подали смертельный урок,
Накормив эту тварь
из золотой Николаевской миски!..

...Его вывели утром.
Был август, и падали звёзды.
Вертухаи зевали,
патрон досылая в размер.
Он стрелкам по глазам
полоснул огоньком папиросы
И шепнул что-то смерти
на свой, на гусарский манер.

Заворочалось небо,
но утром чудес не бывает.
Спohватился старшой:
«Р-равняйсь, целься в грудь, не жалеть!»
Гад последний сказал:
«Мало кто так умирает!»
И рванул за подол
присмирившую барыню Смерть.

Два стихотворения памяти Осипа Мандельштама

Гений наивен,

потому что мысли его божественны.
Ф. Шиллер

Безумна мудрость пред соблазном.
Потерь невидимый черёд
Уж предстоит, а ей лишь важно
Раздумий не нарушить ход.

Глаза полны лучистой влаги,
Всё к лучшему, беспечный друг!
А «друг» уж подписал бумаги,
Кнутом гарцуя в ставнях рук.

Склонилась жизнь пред мыслью чуждой,
О брэнном теле дела нет.
И вот уж под ударом курда
Чертёж объемлет Архимед.

Прощайте, милый грек-строитель,
Ваш труд оправдан и спасён,
И мудрость – снова победитель!
...Нас погружают в сладкий сон

Ума беспечные соблазны.
Потерь предвидимый черёд
Приимут те, которым важно
Раздумий не нарушить ход!

«Как лист бумаги подержанной...»

Как лист бумаги подержанной,
Брошенной в ноги времени,
Творил Мандельштам поверженный
Ночами, не чувствуя бремени.

Детишкам напишет баечку
Иль с Пушкиным в рифме сложится.
Днём – денег только на маечку,
А ночью – пишется, мно́жится!..

Окно. Просыпаться не хочется.
Солнце – стальное лезвие.
Полуночное одиночество
Полуденного любезнее.

Осип, не бойтесь света!
Давайте чинить нача́ла,
Детишек страны советов
Бросать в стихотворные чаны.

В кипящее Слово Божие!
В будущее без зла!
Осип ответил глухо:
«Чаны пусты – сухо,
По́всюду дна – зола...»

* * *

Зарево Владивостока.
Тиф, пересылочный тракт.
Тихо скончался Осип,
Гений, гордец, чудаки.

М. И. Цветаева. 1940 год, одна из последних фотографий...

*Кто не спускался в глубину унижения, не сгорал
в огне страданий
и не заглядывал в лицо смерти, тот не знает
многих тайн бытия
и не уразумел ещё истинного смысла
собственной жизни.
Митр. Анастасий (Грибановский)*

Сколь наши домыслы причастны
К свершённой гибели земной?
Вот правым глазом, взором ясным
Марина воскрешает строй

Беспечной королевы звука.
Она вдали, она над всеми!
Так смотрит девочка из тени
На крепкую мужскую руку.

А левый глаз – беды соринка,
Груз вековой прожитых лет.
Увы, не расточит слезинки
Фотографический портрет.

Уж тень Елабуги припала
К руке злодейской, и злодей
Взалкал и следует за Ней,
Он приготовил смерти жало!

Два разных глаза, два крыла...
Подуло к полночи прохладой.
Она очнулась и ушла.

Елабуга, будь ты неладна!

Я мог её остановить,
Отнять верёвку, выждать время,
Забыв о том, что русский гений
Свободен быть
или не быть.

Памяти Андрея Вознесенского

То ли цыкнула мать над шалостью
И нахмурилась от усталости,
То ли корень прирос к окончанию,
То ли скрипнули створы Татьянины,
То ли Богу шепнула уродица:
«Отче, родинка выпала с Родины!
Но заплакала церковь Мценская
Над головушкой Вознесенского.
Аве, Оза...»

Памяти Беллы Ахмадулиной

*Величие – и в смерти деликатно.
Б. Ахмадулина «Вишнёвый сад»*

Говорят, в Каппадокии храмы
Оседают. И каждый год
Прорастают земные курганы
В отломившийся неба свод.

Неужели в земных сочленениях
Роль подпружная невелика,
И от времени стихотворение

Гибнет так же, как фреска та?

Вознесенский, поэт эпический,
Форм подпружных восславил роль,
Но в разрушенном Политехническом
Смерть сказала поэту: «Довольно».

Вы же пчёлкою медоносною
Наварили медóв тома
И Тарусской обновкой нóскою
Отказали смерти в правах!

Вам, нежнейшей, земной черёд
Оседающей Каппадокии
И друзей торопливый уход
Стал намеренно неугоден?

За Андреем во тьму кромешную
Потянулась Ваша рука,
Пустоту образуя между
Верхом неба и дном стиха...

Читая книжицу Н. Рубцова «Подорожники»

Ах, как пахнут Его подорожники!

За страницей листая страницу,
Я листаю цветущие донники
Хоботком, как пчела-медуница.

Горьковатый в речах и помыслиях,
Неприметный парнишка фартовый
Про Николины¹ выплакал выселки
Сладкозвучным Орфеевым словом.

Я пишу эти строки в Испании.
Солнце жарит, как тóро² полуденный,
А вокруг, в придорожной окалине
Медоносят Рубцовские улеи!..

Я бежал, я надеялся: тысячи
Километров, скитания дальние
Припорошат Николины выселки
И окольные зовы астральные.

Нет! Не вышло – далече от Родины
Встрепенулся во мне укоризной
Звон малиновой церкви Николиной
На заснеженных хóлмах Отчизны.

¹ Никола – деревня, где вырос Н. Рубцов.

² Торо – бык (исп.).

Памяти Высоцкого

Нынче на Ваганьково праздник.

*И хотя Ваганьковский погост – не место для
увеселений народных,*

*как не веселиться, если душа у косточек
Володиных присесть желает*

*да с соседкой по мёрзлой скамеечке словом
поделиться:*

*«Вот оно как. Грешный человек, а потрогать
хочется, как ангела!..»*

Владимир Высоцкий,

Вы живы,

нет ли?

В Ваше обилие слов

Я погружаю ловчие сети...

Знаю, Чудесный лов

Ждёт меня на углу Каретном

В волнах пяти морей!

Скоро ль, нет ли,

Под жёлтым светом

Крашенных в ночь фонарей

Муза, подруга досель чужая,

Не поднимая глаз,

Гулко шепнёт мне: «Мсье, подайте

Нищенке пару фраз.

Мой прежний хозяин
играл на гитаре,
Я молода была...
Смерть разлучила нас.
Бога ради,
пишите,
я голодна!...»

Римма Байtimiрова

Родилась в городе Орске Оренбургской области. По первому высшему образованию – инженер-строитель, по второ-

му – юрист. Всю жизнь посвятила своей семье, воспитав двоих прекрасных сыновей, и с удовольствием работала – в основном по первой профессии. После тридцати пяти лет брака осталась одна: скоропостижно скончался муж. Чтобы не сойти с ума, начала писать. Сначала воспоминания, потом стала замечать, что её волнуют и чужие проблемы.

В творчестве Риммы есть басни, рассказы о любви. Всё, что она писала, складывала в стол. По совету брата стала размещать свои произведения в соцсетях, так появилось много поклонников и друзей. Потом были заметки в местную газету. И вот возникла возможность показать своё творчество... В 2024 году выпустила книгу «Жила-была девочка...».

Андрей

Андрей шёл по улице родного села. Он был счастлив от того, что идёт по своей земле. Радостно на душе, что видит свою улицу, на которой прошло детство. Он предвкушал встречу со своими близкими, отслужив два года в Советской Армии. Так как раннее утро, на улице было пустынно.

– Андрюша, это ты? Как я рада тебя видеть! – затараторила Мария Алексеевна, заведующая клубом, с которой он столкнулся у её калитки.

– Здравствуйте, тётя Маша! – улыбаясь ответил Андрей.

– Надо же! Я первая встретила тебя! Твои ещё не видели? Мама, наверное, корову доит. А у меня сейчас живности нет, я ведь теперь одна. Не будем о грустном. Сегодня ж вечер, ты знаешь об этом? Папу твоего будем тоже чествовать, ты об этом тоже не знаешь? Конечно, нет, ты же только приехал! – выпалила Мария Алексеевна, сама задавала вопросы, сама на них отвечала.

– Вы о чём? – удивлённо спросил Андрей, он ничего не понял из сказанного.

– А вот придёшь на вечер с родителями и поймёшь! Только приходи такой же нарядный, в форме, как сейчас, такой красивый! Глаз не оторвать! Сначала будет торжественная часть, потом чествование передовиков, концерт художественной самодеятельности и в конце – танцы! – выпалила

тётя Маша.

День прошёл в радости: всё было замечательно, приходили родственники и друзья.

Вечером всей семьёй они пошли в клуб. Когда Андрей появился в зале, с галёрки его окликнули одноклассники. Сергей и Анатолий тоже были в форме. А девочки из класса выглядели потрясающе! Андрею стало ещё радостнее, когда одна из одноклассниц, Светка, поцеловала его. Выглядела она фантастически. На улице был ноябрь. Некоторые даже не разделись, сидели в куртках, а она была в летнем платье бирюзового цвета с короткими рукавами, подол платья был широким, но талия была подчёркнута поясом того же цвета, только немного темнее, и это подчёркивало её стройность и хрупкость. Волосы были стянуты в пучок на макушке, и это выделяло её красивую шейку с бусами и ушки с серёжками, тоже бирюзового цвета. Всё гармонично смотрелось – она была очень красивой! Светка смотрела на Андрея горящими глазами, всё её существо показывало радость встречи! А Андрей тем временем здоровался со всеми за руку и периодически смотрел на Свету – взгляд её так и манил...

После торжественной речи председателя колхоза парторг взял слово и сказал, что правление и парторганизация колхоза гордится своими передовиками. Стали вручать грамоты. И когда дошла очередь до отца Андрея, Владимира Николаевича, овации усилились: его многие уважали за справедливость и порядочность. После награждения передови-

ков председатель колхоза вручил символические путёвки на рабочие места дембелям. Даже пообещал стипендию тем, кто, отучившись, вернётся в колхоз.

Пока шёл концерт художественной самодеятельности, Андрей сбегал домой, переоделся в гражданскую одежду, по которой он сильно соскучился.

И вот начались танцы. Света не отходила от Андрея, она просто обволакивала его какой-то энергией, что он оказался околдован ею. Светка была обворожительна, вся светилась, глаза блестели! В клубе была такая традиция: танцы заканчивать белым танцем. А так как Света не отходила ни на шаг от Андрея, она и пригласила его на танец. Ольга, тоже одноклассница, не успела, но просверлила глазами Свету, которой было всё равно, она была счастлива, что танцевала с Андреем.

Он почувствовал дрожь Светы и сам стал утопать в какой-то неге, и ему не захотелось расставаться с ней. Он шепнул ей об этом, она сразу же сказала, что можно продолжить танец у неё дома, так как мама уехала к сестре в город. Папа её давно не жил с ними.

Андрей и Света ушли по одному с вечера – договорились так. Ольга пыталась увязаться за Андреем, но он сказал, что пойдёт с ребятами в баню к Серёге (они действительно собирались все). Андрей тихонько сбежал с мероприятия. Когда он дошёл до дома Светки, она была дома и ждала его. Открыла дверь и запрыгнула на него, и ему пришлось заходить

домой с повисшей на нём Светой. И что тут началось...

Андрей ещё никогда не был в такой ситуации. Он, как многие молодые люди того времени, подходил к отношениям очень серьёзно. Поцелуй позволялся только по любви, а остальное после свадьбы. Но Светкина энергия его завела к таким действиям, о которых он утром, возвращаясь со службы, даже не подозревал.

Возвратился Андрей к утренней дойке. Мама с укоризной посмотрела на него, но ничего не сказала. Не сказала она и то, что прибежал братишка Серёги и искал его.

– Поешь, сынок, всё на столе, я подогрела.

– Спасибо, мама, не сердись, всё в порядке, я не голоден, пойду спать. Может, тебе надо помочь? Скажи!

– Нет, сыночек, иди отдыхай!

Шли дни. Андрей не мог понять, что с ним. Ему никуда не хотелось ходить, он все вечера проводил с родителями, помогал отцу в хозяйстве, маме по дому: мыл полы, посуду.

Через недели две вышел на работу – его уже ждали там. Он ещё до армии окончил автотехникум.

Однажды, когда он пришёл с работы, увидел отца, каким его он никогда не видел. Он был разъярён.

– Иди сюда! Разговор есть! – грозно сказал он, и они зашли в зал и закрыли дверь.

После их разговора мама поняла, что надо готовиться к свадьбе.

Света сказала отцу Андрея, что беременна. Учитывая его

порядочность, знала, чем это закончится.

Свадьба прошла весело, всё было хорошо, да только прошло ещё три месяца, а Светкина беременность не выявлялась.

Андрей сказал родителям, что она всех обманула и он не хочет жить с человеком, который начал совместную жизнь в обмане. Отец согласился. Только в то время слово «развод», особенно в колхозе, не приветствовалось. Долго шёл бракоразводный процесс.

Андрей долго не переживал, его быстро обольстила после развода Ольга. Она родила двоих детей. Только особенной радости у него не было в жизни. И когда страна распалась и колхозы развалились, работы не стало, Андрей стал ездить на север на вахты. И это его устраивало.

После развода он Свету не видел: они жили в другом конце села. Она ещё раз вышла замуж, но и этот брак распался, и тоже от её сочинений. Коля, её муж, такой тихий и застенчивый, не выдержал, просто собрался и уехал.

Вот недавно Андрей увидел Свету: она была по-прежнему в форме, стройная, только немного повзрослевшая на лицо. Она улыбнулась ему такой очаровательной улыбкой, что можно не устоять, пригласила на чай, но Андрей вспомнил всё... не захотелось заходить.

Пусть эта история будет служить памяткой для тех, кто не думает о последствиях некоторых поступков.

Лариса Башкирцева

Мурманчанка, публицист, член Российского союза писателей, библиотечный специалист. Печататься начала в кон-

це 90-х в «Мурманском вестнике» и «Вечернем Мурманске». Публиковалась в журналах «Современная библиотека», «Библиотечное дело», в альманахе «АСТЭС. Мурманский берег», в изданиях Союза книголюбов. Дипломант Всероссийского конкурса литературного творчества; победитель конкурсов «Лучшие в туриндустрии Мурманской области» (статья «Краса полярных ночей») и «Здесь истоки мои...» (о полярнике Н. Пинегине). Лауреат конкурса «Мой Пушкин», вошла в длинный список «Медвяного звона». Участвовала в проекте по сохранению наследия саами. Автор книги «Начало туризма на Мурмане» и сборника стихов «В свой вагон вошла она...», участник многочисленных сборников прозы и поэзии.

Северные и зарубежные «встречи» с Николаем Гумилёвым

Север – Кольский полуостров – Мурманск

Мурманск и Кольский полуостров – мой родной и любимый край, неисчерпаемый на тайны, загадки, легенды, открытия, находки, в том числе и литературные. Занимаясь краеведением, и по работе невозможно не искать «северные следы» в произведениях писателей и поэтов. Среди них нет более загадочного до сих пор имени, чем Николай Степанович Гумилёв.

В конце 80-х годов прошлого века потоком хлынули обратно в историю и литературу России возвращённые имена. Так в 1986 году в «Огоньке» № 17 к 100-летию со дня рождения появилось после долгого забвения имя Н. С. Гумилёва. Это была первая публикация его стихотворений в СССР. Журнальная подборка содержала стихи разных лет и фото Гумилёва.

Конечно, заинтересовалась этим именем и стала искать хоть что-то, связанное с Севером в творчестве поэта. Пока искала, в 1987 году снова в «Огоньке» (№ 15) появилась

и первая публикация «Африканского дневника» Гумилёва. Так я открыла его для себя и как одного из первых русских африканистов. Надо отметить, что обе публикации были очень смелым шагом редакторов «Огонька»: официально Николай Степанович был реабилитирован лишь 30 сентября 1991 года.

А северную тему в творчестве Н. С. Гумилёва я всё-таки позже нашла – например, в стихотворениях «На Северном море», «Варвары» (Севера). Близким оказалось стихотворение «Капитаны», оно очень нравилось и моему папе, капитану дальнего плавания.

Не было предела удивлению, когда через много лет узнала, что именно через мой родной город Мурманск в 1918 году Н. Гумилёв возвращался в числе русских военных в советскую Россию из Лондона и Парижа – из союзных миссий. Было это на полном больных и раненых солдат пароходе «Handland» в сопровождении конвоя из трёх миноносцев. В те годы существовало понятие «Мурманский коридор». А с мурманского вокзала в апреле 1918 года Гумилёв уезжал в Петроград. В Мурманске он купил себе оленью доху и потом в этом наряде разгуливал по столице, вызывая неописуемый восторг прохожих. Свой экстравагантный наряд поэт дополнил пёстрым африканским портфелем. Подробнее об этом можно почитать у доктора исторических наук, профессора П. Фёдорова.

А то самое здание вокзала просуществовало недолго:

16 ноября 1922 года за 2 часа оно сгорело от пожара, унёсшего на долгие годы и след Н. С. Гумилёва... Но это возвращение описал в стихах сослуживец и ученик Николая Гумилёва Вадим Гарднер:

Я, в настроенье безотрадном,
Отдавшись воле моряков,
Отплыл на транспорте громадном
От дымных английских берегов.
Тогда моя молчала лира.
Неслись мы вдаль к полярным льдам.
Три миноносца-конвоира
Три дня сопровождали нам.
До Мурманска двенадцать суток
Мы шли под страхом субмарин —
Предательских подводных «уток»,
Злокозненных плавучих мин.
Хотя ужасней смерть на «дыбе»,
Лязг кандалов во мгле тюрьмы,
Но что кошмарней мёртвой зыби
И качки с борта и кормы?
Лимоном в тяжкую минуту
Смягчал мне муки Гумилёв.
Со мной он занимал каюту,
Деля и штиль, и шторма рёв.
Но вот, добравшись до Мурмана,
На берег высадились мы.
То было, помню, утром рано.
Кругом белел ковёр зимы.

С Литвиновской пометкой виды
Представив двум большевикам,
По воле роковой планиды
Помчались к Невским берегам...

С В. Гарднером Н. Гумилёв познакомился ещё в дореволюционном Петербурге. Он отдавал должное его таланту, хоть и был требователен к своему ученику, подтрунивал над ним: «Несмотря на пристрастие Вадима Гарднера к религиозным темам, лучше другого удаются ему легкомысленные стихи». Гумилёв рекомендовал напечатать его стихи в журнале акмеистов «Гиперборей», выходившем в одноимённом издательстве. Позже оба оказались с дипмиссией в Лондоне, где в 1917 году судьба свела Гумилёва, закончившего войну в Русском экспедиционном корпусе в Париже, и Гарднера ещё раз.

А я задалась ещё одним вопросом: «Почему же издательство и журнал Н. Гумилёв назвал “Гиперборей”?» Как оказалось при моих «раскопках» темы, неспроста появилось это название: в 1904 году Гумилёв отправился в поездку по русскому Северу. 18-летний Николай, ещё не окончив обучение, предпринял экспедицию к берегам Белого моря. У нас на Кольском полуострове, в окрестностях города Беломорска, обнаружил высеченное иероглифами на камне письмо.

Он предположил, что перед ним легендарная Каменная книга – начальные знания о мире, источник сказаний всех народов. Иногда из-за наскального письма, напоминающего

следы птиц, эту книгу называют «Голубиной». Здесь же вырезан и так называемый «словарь» символов. Для перевода Гумилёв воспользовался помощью специалистов по языкам. В этой наскальной книге, найденной в районе реки Индель, которая протекает по Мурманской области, повествовалось об устройстве мира, физической и духовной связи всего живого на планете, рассказывалось о доисторической цивилизации, погибшей в войне.

Открытие Гумилёва взбудоражило научный мир. Доклад о северной экспедиции заслушал император Николай II и... распорядился о дальнейшем финансировании исследований. Тексты Каменной книги привели следующую экспедицию Гумилёва на архипелаг Кузов, известный как мифологический остров Буян исчезнувшей Гипербореи, или Атлантиды.

Позднее в первых областных краеведческих журналах начала 20 века размещались статьи о поисках Гипербореи на Кольском полуострове, например, такие статьи: В. Алымов «О былом единстве хозяйственного быта “гипербореев” и “южан”» («Карело-Мурманский край», 1932, № 3/4), «Новые скальные изображения в Карелии» («Карело-Мурманский край», 1927, № 7/8); Б. Генрихов «Очерк Ледникового периода» и «Из туманной дали времён» в «Карело-Мурманском крае» за 1926 (№ 22) и 1927 (№ 3). К началу 30-х годов XX века оформилась и теория Вегенера о блуждающих материках.

Результатом экспедиции Н. Гумилёва стало открытие

древней женской гробницы и находка сделанного из чистого золота гребня с изображением девушки, управляющей дельфинами. Видимо, Ундины. Возможно, более логичны вместо дельфинов в данном случае наши беломорские белухи?

Вот как описывает то событие сам Гумилёв в своих дневниках:

«Для раскопок мы выбрали каменную пирамиду на острове, который носит название Русский Кузов, к сожалению, пирамида оказалась пустой, и мы уже собирались закончить работу на острове, когда я попросил рабочих, ни на что особенно не рассчитывая, разобрать небольшую пирамиду, которая находилась метрах в десяти от первой. Там, к моей неимоверной радости, оказались плотно подогнанные друг к другу камни. Уже на следующий день мы сумели вскрыть это захоронение. Викинги не хоронили своих умерших и не строили каменные усыпальницы, я сделал вывод, что это захоронение относится к более древней цивилизации. В могиле был скелет женщины, никаких предметов, кроме одного. Около черепа женщины находился золотой гребень удивительной работы, на верху которого девушка в облегающей тунике сидела на спинах двух несущих её дельфинов».

После экспертизы выяснилось, что гребень из золота тысячной пробы.

Николай Гумилёв получил аудиенцию у Николая II, который тогда увлекался балериной Матильдой Кшесинской. Ей (по просьбе императора) преподнёс тот самый «гиперборей-

ский» гребень великий князь Сергей Михайлович. По другой версии, М. Кшесинская сама выкупила фантастический гребень у Гумилёва. Она никогда не расставалась с гребнем: по легенде гребень исполнял любые желания. Далее следы артефакта теряются, но его «приписали» гиперборейской цивилизации.

С нашим Кольским Севером Гумилёва связывает ещё одно имя – писателя и моряка Сергея Колбасьева. Он учился в петербургской гимназии, с 1915 года – в Морском кадетском корпусе.

После закрытия корпуса и досрочного выпуска в марте 1918 года был направлен к нам на Северный флот, в Александровск-на-Мурмане (Полярный), где служил переводчиком и офицером связи при союзной миссии. Затем уехал в Петроград.

Во время службы на Чёрном море летом 1921 года познакомился с Николаем Гумилёвым и решил заняться литературой. Есть версия, что именно Колбасьевым в 1937 (или 1938) году написано известное стихотворение «В час вечерний, в час заката...», которое считалось предсмертным стихотворением Николая Гумилёва.

Позже С. Колбасьев, как и Н. Гумилёв, работал в горьковском издательстве «Всемирная литература», а как В. Гарднер, был в Финляндии, в Хельсинки: в 1923–1928 годах работал там в торговом представительстве, затем заведовал экспортом и импортом радиооборудования. Судьба его схо-

жа с судьбой Н. Гумилёва... И так же нет могилы...

Франция – Париж

В 2018 году нам с мужем посчастливилось побывать в автобусном туре по Европе. Программа тура была замечательно составлена так, что в неё входило много литературных моментов. Познавая страну и её столицу, познавала и «французского» Н. Гумилёва.

После окончания гимназии двадцатилетний Николай Гумилёв в 1906 году уехал учиться в Сорбонну; с этого года жил в Париже, слушал лекции по французской литературе, изучал живопись, посещал выставки и много путешествовал. Юный Гумилёв знакомился с французскими и русскими писателями. В Париже Брюсов рекомендовал Гумилёва Мережковскому, Гиппиус, Белому и другим, но мэтры сначала пренебрежительно отнеслись к молодому таланту. И только после анонимного стихотворения «Андрогин» (1908) Мережковский и Гиппиус высказали желание познакомиться с автором. В Париже Николай Гумилёв познакомился с Алексеем Толстым, Максимилианом Волошиным и художником Мстиславом Фармаковским. Общение с ними подтолкнуло поэта к созданию собственного литературно-художественного журнала. И в 1907 году он начал издавать «Сириус». В нём он опубликовал и дебютные стихи Анны Ахматовой, но вышло только 3 номера журнала.

Во время своего первого пребывания в Париже в 1906–1908 годах Н. Гумилёв жил на левом берегу Сены, в районе Монпарнаса: 68, bld Saint-Germain (5e).

В 1908 году в Париже Гумилёв издал свою вторую книгу стихов – сборник «Романтические цветы».

Сразу после свадьбы с А. Ахматовой приезжали вдвоём в Париж в 1910 году и останавливались на левом берегу Сены – улица Бонапарт, 10.

Гумилёв много общался с русскими эмигрантами, создал трагедию «Отравленная туника», увлёкся восточной поэзией, переводы которой вошли в сборник «Фарфоровый павильон». Сотрудничал с художниками Н. Гончаровой и М. Ларионовым. Результатом их совместной деятельности была не только балетная тема, но и «Парижский альбом» с автографами стихотворений Гумилёва, многие из которых иллюстрированы этими художниками.

Имя Гумилёва появлялось на страницах парижской газеты «Русский солдат-гражданин во Франции», где сообщалось, что в «Доме русского солдата» состоялось литературное утро, в программе которого выступал и Н. Гумилёв. В Париже он был назначен Приказом по русским войскам во Франции № 51 в распоряжение комиссара Временного правительства и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов при русских войсках во Франции, с назначением жалования.

После Февральской революции он не вернулся в Россию, а

поехал в Грецию, в Салоники, на фронт, затем присоединился к Экспедиционному корпусу Русской армии во Франции.

Все парижские адреса Гумилёва 1917 года и помещения служб Русской военной миссии располагались в районе Елисейских полей и Триумфальной арки, на правом берегу Сены. Жил на улице Декам, часто бывал и в одноимённом кафе. Это почти напротив Эйфелевой башни, недалеко от площади Трокадеро. Жил он и в отеле «Galilee», и под станцией метро «Пасси» – Сквер Альбиони, 1. В Париже Гумилёв прожил до января 1918 года. А затем – то возвращение в Россию через Мурманск.

Польша – Варшава – Лодзь

Как упоминала выше, в 1910–1911 годах А. Ахматова с Н. Гумилёвым дважды ездили в Париж, а путь в столицу Франции из Петербурга лежал через Варшаву. Наш туристический маршрут 2018 года вёл и в Польшу, в Варшаву.

Образ Варшавы встаёт в стихах Ахматовой несколько раз в разные годы. В 1914 году Гумилёв добровольцем вступил в кавалерию. На фронт его провожала А. Ахматова. На экскурсии во Вроцлаве гид показывала дом, где останавливалась А. Ахматова, провожая мужа на фронт, и где они встречались. В те же трагические месяцы в её стихах впервые возникает образ Польши: в 1914 году появилось стихотворение «Утешение» (входит в сборник «Белая стая»):

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдёшь могилы его.

Образ Польши и Гумилёва возникает у Ахматовой и позже, в необычном стихотворении-воспоминании-«бред» 1940 года:

Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? – «Сотый!»

– А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернёшься, и вот – не рада.
Мне ничего на земле не надо...

В ноябре – декабре 1914 года в лесах под Лодзью в полку уланов воевал Н. С. Гумилёв. Об этих событиях свидетельствует его книга «Записки кавалериста» и стихотворение «Война», посвящённое поручику М. М. Чичагину.

Гумилёв описал красивейшие пейзажи воеводства. Тем не менее именно после лодзевской операции он стал смотреть на войну по-другому. За разведку в ночь с 20 на 21 ноября Гумилёв получил свой первый Георгиевский крест. Воевал

в этих местах до 1917 года. Позднее полк стоял в Варшаве. После этого Гумилёв и отправляется в Лондон и Париж, о чём в предыдущей главке.

Кронштадт – Санкт-Петербург

Больше всего моих «встреч» с Н. Гумилёвым состоялось, конечно, в Санкт-Петербурге, где училась в вузе и часто бываем. С этим городом больше всего связано и у самого Н. С. Гумилёва.

Родился в Кронштадте, в дворянской семье кронштадтского корабельного врача С. Я. Гумилёва. Мать – Анна Ивановна, урождённая Львова. В Царско-Сельскую гимназию он поступил осенью 1894 года, но, проучившись несколько месяцев, из-за болезни перешёл на домашнее обучение.

Из Царского Села в Петербург Гумилёвы переехали осенью 1895 года, сняли квартиру в доме купца Н. В. Шалина на углу Дегтярной и 3-й Рождественской улиц, и в следующем году Николай Гумилёв стал учиться в гимназии Гуревича. В 1900 году у старшего брата Дмитрия (1884–1922) обнаружился туберкулёз, и Гумилёвы уехали на Кавказ, в Тифлис.

Осенью 1908 года он вновь был в Петербурге. С именем Н. Гумилёва связан Васильевский остров: Тучков переулок, 17, где он жил с женой А. Ахматовой, когда поступил на историко-филологический факультет Университета. Или 5-я линия Васильевского острова, 10, где в 1914 году в его кварти-

ре собиралось «Общество ревнителей художественного слова», организованное при редакции журнала «Аполлон». А в 1918 году несколько месяцев прожил в квартире редактора этого журнала С. Маковского, который, уезжая из Петрограда, оставил квартиру на улице Социалистической (Ивановской), 20, сотрудникам журнала. 1916 год – Литейный проспект, 31. На ул. Радищева (Преображенской), 5, в доходном доме, Гумилёв снимал квартиру в 1919–1920 годах.

Невский проспект, 15/наб. Мойки, 59. Это для меня особенный адрес Гумилёва в 1920–1921 годах. В 2023 году посчастливилось побывать на экскурсии в бывшем доме Елисеевых (ныне «Отель-Империял-Талион»). Даже не все петербуржцы знают, что туда можно попасть на интереснейшую экскурсию.

В 1919–1923 годах дом Елисеевых стал по инициативе А. М. Горького Домом искусств. В особняке в нескольких комнатах обитали члены одной из самых влиятельных творческих группировок Серебряного века – «Мир искусства», куда входил и Н. Гумилёв. А 3 августа 1921 года здесь же был арестован. Жизнь в Доме искусств отобразила писательница О. Форш в своём романе «Сумасшедший корабль».

31 декабря 1911 года в доме № 5 (Дом Жако) по Михайловской площади (Площадь Искусств) или с угла Итальянской улицы открылось арт-кафе, или арт-подвал, кабаре «Бродячая собака» – ещё один из центров культурной жизни Серебряного века. Н. Гумилёв тоже был среди участников

кабаре. Закрыли арт-подвал в 1915 году, но в начале «нулевых» открыли снова – благодаря новой волне интереса к Серебряному веку.

Николай Степанович Гумилёв – не только поэт, но и один из крупнейших исследователей Африки. Он совершил несколько экспедиций по восточной и северо-восточной Африке и привёз в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Санкт-Петербурге богатую коллекцию. Но это уже совсем другая история...

Светлана Белка

Литературный псевдоним Светланы Беличенко. Родилась в 1984 году в городе Бишкеке Киргизской Республики. С

2012 года проживает в России, в городе Липецке. По образованию журналист, по роду деятельности – графический дизайнер, верстальщик и мастер печатного дела. Интерес к стихосложению появился ещё в дошкольном возрасте, «разговаривала стихами». Пишет всю сознательную жизнь. Пишет обо всех гранях жизни, но основных направлений её поэзии несколько:

- исследование глубин человеческой души, пограничных состояний психики и всего, что определяет трагическую глубину существования;
- сатирическое осмысление повседневного абсурда;
- пишет поэтические версии известных сказок, смещая акценты и показывая читателю ситуацию под другим углом;
- занимается переводом англоязычных стихов и песен.

Избушка

Ослабела слегка, приболела,
И лекарствами не излечить.
Отключить телефон на неделю,
Лучше даже – о стену разбить.

По заросшей широкой тропинке
Ту лесную избушку найти,
О которой читала я в книгах
В детстве, в возрасте лет так шести.

В белых кроссах и в тоненьком платье,
В ожерелье из каменных слёз
И с браслетом на тонком запястье
Из колючих мифических роз.

Отыскать те заветные двери,
Осторожно вовнутрь войти,
В комнатёнке той пепельно-серой
Тишину и покой обрести.

Там есть печка и свечки, и спички,
На окне паутиный узор.
Есть корыто с холодной водичкой
И засохший в углу мухомор.

Стол на твёрдых устойчивых ножках,
Стул – как в сказке, дубовый, кривой.
Книги в твёрдых и мягких обложках,
И ковёр на полу меховой.

На столе береста и пергамент,
И чернила с гусиным пером.
Дом заброшен и не охраняем,
Но тепло и нестрашно мне в нём.

Не ищите меня, не грустите —
Обязательно к вам я вернусь.
Я приду от страданий отмытой,
Обязательно я исцелюсь.

Мыльный пузырь

Разомкни все клеммы.
Всё нормально, всё стабильно.
Все твои проблемы —
Лишь пузырь обычный мыльный.

Медленно и плавно
Пусть летит, сверкая ярко.
Лопнет безвозвратно,
Не играй с ним в догонялки.

Не лови руками
И не тычь в него иголкой.
Хоть и временами
Сводит зубы, как у волка.

Лопнет сам, не трогай —
Для всего приходит время.
Ждать совсем недолго,
Только разомкни все клеммы.

Посмотри в глаза чудовищ

Посмотри в глаза чудовищ —
В них бескрайняя тоска.
Ну а ты всё не утонешь,
Ты – матёрая треска.

В их глазах – густая слякоть,
Беспросветный синий дым.
Они – тесто, они – мякоть,
Ну а ты – неустрашим.

Ты послушай их рассказы,
Где, когда сошли с пути.
Как грызут их метастазы,
Что себя им не спасти.

Что их жизни, как окурки —
Догорели и смердят.
Что они играли в жмурки,
Но им выпал шах и мат.

Ты почувствуй этот запах
Разлагающихся душ.
Пусть стоят на задних лапах
В виде неформатных туш.

Пусть скулят они и плачут,
Пресмыкаются, дрожат...
Ты же – более удачлив?
По тебе не плачет ад.

Ты не слаб, ты не подавлен,
Твоя воля – как гранит...
Красный уровень объявлен,
Но тебя Господь хранит...

Думал так, но ошибался,
Что живее всех живых.
Где-то сильно просчитался —
Ты давно один из них.

Смотри вперёд!

Смотри вперёд, будь крайне осторожен.
Твой путь тернист, ветвист и очень сложен,
Но сможешь! Должен ты его пройти.
Устанут ноги, будешь ты ползти.
Ты будешь голоден и обезвожен,

Изранен будешь и, как ёж, взъерошен.
Но только не сдавайся, не кряхти,
Не вздумай соскочить на полпути.
Смотри вперёд!

Шанс на спасение весьма ничтожен,
Но если быть не хочешь уничтожен,
Надежды ниточку покрепче ухвати
И слабым быть себе навеки запрети.
Достань скорее острый меч из ножен.
Смотри вперёд!

Инструкция по потерям

Что упустишь – не догонишь,
Потеряешь – не найдёшь.
Гусь свинье отнюдь не кореш,
Ей товарищ – только нож.

Что забыл – того не вспомнишь,
Что отрезал – не пришьёшь.
Лучше громко и наотмашь,
Чем шуршать, как мышь иль ёж.

Коль продал – назад не купишь,
Что отдал – уж не вернёшь.
Если сварить гуппи в супе,
В дурку сразу попадёшь.

Под луной ничто не вечно,
Реки к морю не спешат.
От инфекции кишечной
Не поможет Тримедат.

Банка треснула – не склеишь,
Пепел сдул – не соберёшь.
И на улицах Помпеи
Ты цветочка не найдёшь.

Нет там даже сухоцветов...

Кто смеётся – молодец.

Но у всех у нас билеты

Только лишь в один конец.

Анна Биюшкина

Родилась и выросла в Нижегородской области. Окончила НГСХА в 2022 году по специальности «агрономия», в 2024

– ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева по специальности «садоводство по направлению ускоренные технологии селекции растений». Учится в аспирантуре. Работает научным сотрудником в лаборатории в ФНЦ «ВИК им. В. Р. Вильямса».

Принимала участие в конкурсах имморт-фантастики, в Международном молодёжном конкурсе научных и научно-фантастических работ «Горизонт 2100».

Участник 19 коллективных сборников. Состоит в литературном клубе «Творчество и потенциал» (СПб). Награждена различными грамотами и медалями от изд-ва «Четыре».

Автор сборника стихотворений «Мелодия моего сердца» и книги «Хроники Созвездий. Книга 1. Пророчество».

«Родился дворянский сын...»

Н. С. Гумилёву

Родился дворянский сын,
Но путь его был предначертан свыше,
Долго он азы учения ломил
И вот очутился на шаг выше.
По странам разным он поскитался,
Поглотил их культурный код
И богатым духовно воротился,
Начал он путь поражений и побед.
Не только поэт вы поневоле,
Ведь исследователем Африки вас нарекли,
И вы сторонник той доли
Музей антропологии и этнографии пополнили.
И творец школы акмеизма,
Добровольно на фронт Первой мировой ушли,
Пули вас пощадили, хоть простуда свалила,
И разведывали вы Литву.
Минули годы военные, роковые,
Жизнь семейная разладилась, увы,
Ушли от Ахматовой и встретили Энгельгардт,
Жизнь литературная вас засосала, как вода.
И в сердце вашем так много созвездий,
И огонь, что сияет ярче всех звёзд.
Стихи твои нерукотворные,

Опалило нас неземным огнём.
И жили вы открыто, взгляды не тая,
Спросили вас: «Какова политика твоя?»
И ответили вы вдохновенно:
«Я убеждённый монархист!»
Рогатая луна уносит вас ветром,
Все мольбы о вас в пепел стёрты,
Прогремел выстрел в тишине громом,
Погиб оклеветанный поэт!
И долга будет ваша стезя страданий,
Но в бессмертии вы неумолим,
И вспыхнет где-то новая звезда желаний,
И напишут о вас последний гимн.
Строки лягут на лист неровно,
Написанные женской рукой,
Ведь не только вас потрепала чёрная дорога,
Это ваш семейный рок-закон.

20 октября – 27 октября 2025 г.

«Наша песня давно уже спета...»

Наша песня давно уже спета,
Друзья остались только в памяти,
Всё исчезнет, как дым, средь полей,
Но это было время юности-мечты.
А сейчас скована моя отвага,
И эмоции все давно заперты,
И каменным стало сердце, полное любви,
Это мои задавленные чувства кричат в глубине души.
И мир жестоко нас всех подавил,
Обезличил, сделав всех пустыми,
Но, может, будет новый гимн
Той жизни, которой мы не жили.
Может, дети наши или потомки
Разрушат души, окаменевшие слегка,
Ведь нелёгким был наш путь – борьба,
Строили мы новую страну на века.
И было нам тяжело понять самих себя,
И дети не станут подобием нам,
Ведь они не растворятся в других, как мы,
А будут совсем иными – чувственнее, чем ты.
И не сыграют они в навязанные игры,
В ролевых моделей, что мир нам начертал,
И не подавят истинную силу энергий,
Что в нас до сей поры дремал.
И нет в детях наших того стыда,

Что мы испытывали за тела свои
И прятали их под одеждами,
И ходили как крючки в толпе.
Нет в нас той кристальной чистоты,
Той смелости души в храбрецах,
И нет в нас огня в сердцах,
Что затмили даже звёзды.
Освободить себя не сможем мы,
Но наши дети храбрее, чем мы,
Разрушат навязанные нам паттерны
И станут совсем другими.

29 октября – 6 ноября 2025 г.

«Огромная луна висит на небесах...»

Огромная луна висит на небесах,
Она одна, она одна смотрит на меня.
Я, снова я печален, как осенняя вода,
И льёт серо-белая вода с неба.
Я помню, я сидел, вмёрзнув в стул,
Вы что-то говорили мне,
Но в голове шумел лишь гул,
И слышал ваш голос я извне.
Вы говорили, что нам надо разойтись,
Слишком разные вектора пути,
Меня достала твоя больничная жизнь,
А твоя – сидеть в научной обители.
И вот зовёт вас очередная путь-дорога,
Остался я сидеть в зловещей тишине,
Ушла, ушла девушка-недотрога,
Растаяла в неприветливом осеннем дне.
Я видел только стол и исписанные листы,
А вы... слишком стремительно исчезли,
И увела вас кривая колея жизни
В тот город, что криво был начерчен.
Я не услышу от вас «прости и прощай»,
Ведь жестока жизнь с тобой была,
И душа твоя, как ледяной край,
А сердце крепче стальных лат.

И хладны руки твои, как Пустошь³,
И глаза суровы, как у Шани⁴,
И взгляд страшнее всех Богов,
Ведь ты мой судьбоносный рок.

5 ноября – 13 ноября 2025 г.

³ Пустошь – параллельный мир, место, откуда приходят дивы (В. Дашкевич, цикл «Колдун Российской империи»).

⁴ Шани – Бог планеты Сатурн, считается богом кармы, справедливости, времени и возмездия в индийской мифологии.

Альфред Бодров

Проживает в г. Хотькове Московской области. Родился в 1942 году. Имеет среднетехническое и высшее педагогиче-

ское образование. Окончив исторический факультет МГПИ им. В. И. Ленина (ныне МПГУ), преподавал, а затем перешёл в СМИ, увлёкся литературой. Начал публиковаться в 2018 году, печатается в коллективных сборниках, выходящих в Москве, Санкт-Петербурге, Новокузнецке и других городах, награждён литературными дипломами. Является членом Союза журналистов России и Международного Союза писателей России.

Сын ответственного папаша

Криминальный случай

Поздним вечером 9 мая 1968 года на Стрелке Васильевского острова в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) убили Раю Еланскую, восьми лет. Следственное дело принял старший следователь по особо важным делам капитан милиции Яков Семёнович Кислинский. С трудом сдерживая слёзы, родители по горячим следам описали картину преступления. Всем семейством они возвращались домой на Стрелку со стороны Дворцового моста, где вместе с ленинградцами приветствовали праздничный салют по случаю двадцатитрёхлетия Победы над фашистской Германией.

Они прошли Ростральные колонны, подошли к скверу и собирались перейти улицу возле дома, но в этот момент Рая вырвалась из рук брата Вагифа и подбежала к скамейке со словами «я хочу здесь посидеть». В то же мгновение она побежала, и, как только села, какой-то парень, на вид лет двадцати или двадцати двух, выскочил из кустов, нанёс девочке удар в шею финкой и скрылся. Глава семейства Азер Казимирович и шестнадцатилетний сын Вагиф побежали за преступником, но его будто след простыл, провалился сквозь землю. С трудом нашли телефон, чтобы вызвать скорую помощь. Нож попал в артерию, из которой хлестала кровь. Мать Раи пыталась остановить её, но ничего не помо-

гало. Скорая помощь подъехала через двадцать пять минут, она же по рации вызвала наряд милиции, который через двадцать минут был на месте преступления. Врач скорой помощи констатировал смерть Раи Еланской.

Капитан Кислинский установил, что Вагиф в это время отсутствовал, но к моменту прибытия следственной группы уже был рядом с родителями. Кислинского интересовало: «Где он был и что делал, искал убийцу, тогда как отец вернулся ни с чем? Нет, не думаю. Мать говорит, что они оба вернулись ни с чем. Значит, самостоятельно убийцу не искал, тогда где он был и что делал? Он несовершеннолетний, допрашивать без родителя я не могу, тогда он будет показывать по указке взрослых». Спросил, уточняя показания юноши:

– Вагиф, скажите, где вы были и что делали в то время, когда врач оказывал помощь вашей сестре; вас не было на месте, но появились к нашему прибытию?

– Я бросился догонять напавшего, потому что мне показалось, я его заметил в полутьме, но обознался и вернулся, – ответил юноша с явным беспокойством, что не прошло мимо внимания следователя.

– Во сколько произошло нападение?

– Я не знаю, на часы не смотрел. Папа, ты знаешь, когда на Раю напали?

Азер Казимирович обратился к Кислинскому, который оформлял Вагифу повестку на допрос в десять утра:

– Товарищ капитан, я секретарь райкома партии и прошу вас вести следствие объективно и в полном соответствии с требованиями закона. Я вам называл примерное время, это было около одиннадцати часов ночи.

– Я учту ваши замечания. Мы собираем и уточняем первичные показания для проведения дальнейших следственных мероприятий. Будьте добры, я, старший следователь по особо важным делам капитан Кислинский Яков Семёнович, приглашаю вас завтра в десять часов утра в УВД Васильевского острова в кабинет 23 для официального допроса вашего сына под протокол. Подпишите обязательство о невыезде из города. Скажите, кто может подтвердить, что вы были на Дворцовом мосту во время праздничного салюта?

Азер Еланский показал, что они были во время салюта в компании с семействами заместителя начальника Василеостровского военкомата подполковника Корбута и председателя Василеостровского суда Воробейко. Записав паспортные данные, место жительства и работы, а также место учёбы Вагифа, Кислинский отпустил Еланских, в том числе Вагифа. Кислинский мог задержать юношу на сорок восемь часов до выяснения обстоятельств, но этого не сделал по гуманным соображениям.

Вернувшись в управление, Кислинский размышлял: «Каковы мотивы убийства? Почему убийца не избавился от оружия преступления? Растерялся, торопился, дилетант, если был умысел, то какой? Начало мая, дорожки хорошие, сле-

ды обуви должны быть чёткими. Отрабатываем картину преступления по версии родителей. Семейство возвращается на Стрелку Васильевского острова со стороны Дворцового моста, подошли к Ростральным колоннам, продолжили движение, подходят к скверу, неподалёку стоит скамейка. Девочке захотелось посидеть на ней, устала, на ногах была долго. Она подбегает к скамейке, садится на неё с левого края, в этот момент, откуда ни возьмись, возникает парень лет двадцати, саданул жертве в шею финку. В полутьме, при отсветах фонарей, Невы и фонтанов, можно ли рассмотреть возраст нападавшего и финку на расстоянии пятнадцати метров? Скорее рост можно увидеть, но возраст едва ли. Отец и сын увидели, как преступник напал на девочку, стали его преследовать. Они преследовали, пока видна была спина нападавшего, но он скрылся в подворотне, в проулке, в подъезде ближайшего дома. Пятнадцать метров до скамейки и ещё пятнадцать метров их отделяли от преступника, значит, тридцать метров в общей сложности. На Стрелке можно скрыться в любом месте, убийца мог скрыться так же, как и появился. Кого они преследовали? Призрак? Может быть, вообще не преследовали? Что делала мамаша? Искала телефон, где искала и когда позвонила, сколько времени прошло с момента нападения на жертву, бросили истекавшую кровью девочку? Отец с сыном преследуют призрак, мама ищет телефон, чтобы вызвать скорую помощь, а дочка лежит на земле с ножом в горле, истекая кровью. Что-то здесь не

так. Кстати, собака посторонних следов возле скамейки не нашла, только самих Еланских. Как говорит Фамусов в пьесе Грибоедова «Горе от ума», «всё врут календари», почему сынок проявил нервозность, не его ли рук дело, а родители покрывают сынка?»

Кислинскому вспомнились эпизоды службы в годы Великой Отечественной войны. По окончании средней школы Яков Семёнович был призван в армию и направлен на обучение в Бакинское военное зенитно-артиллерийское училище. В 1943 году с дипломом отличника боевой и политической подготовки молодой офицер со звёздочками старшего лейтенанта на новеньких погонах был командирован в распоряжение Ленинградского фронта. Получив контузию в боях на Синявинских высотах, он был уволен из армии, но принят на службу в Ленинградскую милицию в звании капитана. Особенно тяжело приходилось работать во время фашистской блокады и в послевоенное время, много сил и энергии уходило на борьбу с мародёрством и бандитизмом. С этим злом он столкнулся в первые же дни после прихода в милицию. Кислинский в одну из ночных дежурств возглавил патруль на Стрелке Васильевского острова. Ему пришлось задерживать двух мародёров в военной форме старшего сержанта и рядового солдата. Это оказались отец и сын, дезертиры с Ленинградского фронта. Задержать их после длительного преследования удалось только лишь тогда, когда дело дошло до драки между ними во время дележа добычи. Кислинский

успел перехватить руку с ножом у рядового, который занёс её над поверженным отцом. Схваченные патрулём, оба после короткого допроса были расстреляны на месте без суда и следствия по закону военного времени. Этот эпизод ветерану ленинградской милиции часто вспоминался прежде, но сейчас он почему-то особенно ярко восстановился в сознании со всеми деталями и подробностями.

Кислинский приступил к оформлению уголовного дела № 13.09.05.1968/5_Е по факту убийства несовершеннолетней Еланской Раисы Азеровны 1960 года рождения, открыто в 22 часа 45 минут 9 мая 1968 года.

В ноль часов сорок минут начальник Василеостровского главка полковник Велимиров потребовал у капитана Кислинского доклад о проделанной работе по делу Раисы Еланской. Яков Семёнович своё сообщение начал с описания картины преступления по версии семейства Еланских:

– Согласно показаниям Азера Казимировича и несовершеннолетнего сына Вагифа, Еланские возвращались домой на Стрелку Васильевского острова со стороны Дворцового моста. Оказавшись неподалёку от скамьи в скверике, восьмилетняя Раиса, младшая дочь, подбежала к ней, села на неё с левой стороны. В этот момент словно из-под земли, видимо ожидая жертву, возник незнакомый парень на вид двадцати или двадцати двух лет, нанёс ей удар в шею ножом и сбежал, артерия была перебита, и девочка скончалась на месте. Такова картина преступления по версии родителей. Семейка

врёт, она скрывает настоящего преступника. Я склоняюсь к версии, что это сын Вагиф, потому что собака у вызванного кинолога посторонних следов не обнаружила вокруг места преступления. Мотивы преступления предстоит установить.

Полковник спросил:

– Подозреваемого задержали или хотя бы взяли подписку о невыезде?

– Я подписку взял у отца Азера Еланского, сына я пожалел, вызвал на допрос по повестке в качестве свидетеля по делу на утро в десять часов.

Велимиров строго предупредил:

– Если подозреваемый скроется, вы получите серьёзное взыскание, вплоть до разжалования в рядовые и увольнения из органов.

Якова Семёновича дома на Седьмой линии Васильевского острова ждали, несмотря на его частые задержки до поздней ночи. Он всегда звонил домой, предупреждая о задержке, и просил не ждать, хотя знал, что всё равно будут ждать. На этот раз события его так захватили, что было не до звонка. Вспомнил о доме только сейчас, вернувшись к себе после выволочки полковника, в час тридцать ночи. Не ожидая ответа, он всё равно позвонил, ему ответили сразу же после первого сигнала:

– Слушаю, Нора у телефона, – услышал Кислинский родной голос супруги.

– Нора, прости, что не позвонил раньше, было всё очень

сложно. Скоро буду.

– Я привыкла.

– Нора, вспомни, когда и как было дело с одним из твоих учеников, который убил сестру, потому что проиграл её в карты.

– Я хорошо помню эти события: меня хотели уволить из-за отсутствия в классе воспитательной работы. Меня тогда отстоял парторг школы Азер Еланский. Это было в 1950 году, незадолго до нашей с тобой свадьбы. В моём восьмом классе был Нугзар Аракелов, сын кавказцев. Он связался с какими-то бандитами с Васильевского острова, они часто играли в азартные игры после уроков за сараями возле школы. Милиция их разгоняла, ловила, но всё было безуспешно. Нугзар во время игры в карты проигрался в пух и прах, поставил сестру на «ноль», то есть на жизнь.

– У них это по-другому называется.

– Нугзар так это называл тогда. Ему было приказано резать старшую сестру, потому что она отказывалась от домогательств главаря. У тебя аналогичное дело?

– Есть такое подозрение, что это сынок твоего школьного партийного лидера. Теперь он секретарь райкома партии. Буду через час, не жди, целую.

Через час он уже собирался закрыть кабинет и отправиться к семье, но капитана снова вызвал к себе полковник Велимиров:

– Экспертиза следов обуви, – начал он с места в карьер, –

подтвердила версию следствия, что к скамье, где была убита девочка, подходили только Еланские, посторонних следов не обнаружено. На рукоятке ножа имеются пальчики Вагифа. Вагиф никуда не убежал, он оставался на месте. К мёртвой дочери подошли родители, они здесь постояли, потоптались, мать направилась к дому, а отец с сыном оставались на месте, пока не приехала скорая помощь. Пальчики Вагифа хранятся в базе у криминалистов. В пятом классе он украл у учительницы деньги, на сумочке остались его пальчики. Родители тогда определили его на полгода в психиатрическую клинику. Вагиф не родной сын у Еланских, это приёмный сын. Его родители, родственники Венеры Еланской, погибли в автокатастрофе, а младенец выжил. Они взяли его на воспитание, больше было некому.

На этом короткое совещание было окончено, и Кислинский на служебной машине отправился домой, где его ожидал праздничный стол с любимым тортом «Наполеон», испечённым милыми руками супруги.

В десять часов утра в кабинет к капитану Кислинскому вошли секретарь райкома партии Азер Казимирович и его приёмный сын Вагиф Еланские.

На допросе юноша пытался настаивать на первоначальных показаниях, но под давлением неопровержимых доказательств вынужден был признаться в содеянном преступлении против сестры. Кроме того, он назвал всю компанию, с которой играл в кости: среди её членов оказались сыновья

друзей и коллег отчима Вагифа, с которыми ходили смотреть праздничный салют.

– Скажите, Вагиф Азерович, с какой целью вы нанесли сестре смертельный удар ножом?

– Я её проиграл в кости.

Капитан спросил:

– Вагиф Азерович, вы признаёте себя виновным?

– Я, несовершеннолетний Вагиф Еланский, признаю себя виновным в том, что убил сестру Раю Еланскую, так как проиграл её в кости.

С вызовом и стоя произнёс признание юноша.

После признания Вагифа с присутствующим на допросе Азером Еланским случился сердечный приступ.

Кислинский спросил супругу за завтраком после суда:

– Нора, полковник Велимиров много лет назад на юге в местной газете «Молодой Сталинец» прочитал криминальную историю под таинственным заголовком «С. О. П.». Можешь ли расшифровать, как литератор, что это значит?

– Сын Ответственного Папаши, – не задумываясь, ответила она, когда-то тоже читавшая эту повесть. Нора спросила мужа:

– Сколько дали сынку?

– Пятнадцать лет строгого режима. Апелляционный суд заменил смертный приговор на тюремный срок, а приёмного отца не спасли тогда, он умер в карете скорой помощи, его супруга Венера Германовна удушилась на балконе с видом на

ту самую скамейку, где погибла дочь Рая. Только лишь на суде Вагиф узнал, что он приёмный сын Еланских.

Дарья Ботина

Родилась в городе на Неве. После окончания медицинского университета в 2025 году начала вести врачебную прак-

тику. Пишет в жанре психологического и мистического реализма. Публиковалась в сборниках «За горизонтами мечты», «Чёрный чай», «Прекрасное сияние», «Вопрос времени» в разделе «Проза».

С рассказом «Шёпот индейской трубки» стала победителем конкурса «Вовремя сказанное, нужное слово» (2025) в рамках проекта, посвящённого творчеству Александра Грина. Является победителем конкурса «Читательское признание» (2025), финалистом премии «Наследие литературы XXI века» (2025). Номинации: «Литературное достояние» (2025), «Знак четвёртой звезды», «Автор года» (2025) изд-ва «Четыре». Вошла в топ–100 литературной премии «Эпифания». Автор сборника прозы «Пряности по-карибски».

Звезда Амру

Давным-давно в Нижнем Египте, в благословенном городе Мемфисе, что расположился у берегов цветущей Дельты, жил один звездочёт. Он был преданным слугой фараона и верил, что созвездия, большие и малые, все скопления душ, покинувших землю триллионы лет назад.

– Как по мне, – возражала ему гордая царевна Амонет, протирая на пальце массивный перстень из хризолита, – людей на земле, что песка в пустыне. Так никаких звёзд не хватит. Ты ошибаешься, звездочёт.

Но старик лишь почтительно улыбался и покорно кивал головой.

– Звёздами обращаются лишь те души, царевна, чьи земные дела были достойны, – терпеливо повторял он, чертя на папирусе понятные ему одному иероглифы.

Амонет же смеялась над ним.

– Верховный жрец проклянёт тебя, – сказала вдруг она, и золотые кольца её эхом задребезжали.

Но слова царевны нисколько не смутили его. Амру было много лет. И мудрость его закрывала глаза на юность прекрасной царевны. Её бронзовая кожа и чёрные, как самая беззвёздная ночь, глаза были дороги его сердцу. И он прощал ей её капризы. Порой жестокие. Амонет не была любимой дочерью фараона, и оттого душа её была омрачена за-

таившейся злобой. Так, сама того не замечая, она коротала дни в обществе звездочёта, не без иронии подмечая, что когда-то в молодости он был... красивым мужчиной. Умным. Не лишённым таланта. Когда звездочёт говорил, его лицо казалось одухотворённым присутствием самого великого Птаха, словно и сам он пребывал в каком-то ином мире. Мире, сокрытом от земной жизни.

Как-то раз, гуляя вдоль берега широкого Нила, где беспечно цвели акации, Амонет заприметила жемчуг в глубине перламутровой раковины. Уйдя слишком далеко от своих чернокожих стражников и покорных рабов, ей некому было приказать поднять со дна нильский жемчуг. И царица вошла в воду, изящно ступая босыми стопами по лиловому влажному илу. Она не знала, да и не могла знать, что хрустнувшая за спиной ветка таила в себе смертельную опасность. Чёрная пантера сделала свой королевский бросок. Ведь утром её охота выдалась не очень удачной. Царица только прикрыла глаза, чтобы не видеть, как белые клыки порвут её заживо. Но острие ножа вонзилось хищнику в глотку. И, наверное, у таких сказок должен быть счастливый конец, но когти пантеры остры и точны, как стрела. Амру рухнул на землю рядом с телом животного. Кровь пантеры смешалась с его собственной кровью.

– Как ты меня нашёл?

– Твоя звезда, царица, была тусклой, и я встревожился. Он закашлялся, нащупав ладонью жемчужину.

– Ты... не можешь умереть вот так, – обиженно сказала маленькая царевна. – С кем тогда ещё мне говорить во дворце, ведь я так одинока?

Амру улыбнулся, протягивая ей жемчужину.

– Не умирай, прошу, ты ведь звездочёт, ты прочёл сотни, тысячи книг...

– Я звездочёт, но я не волшебник, – он ласково погладил её по лицу, с которого падали слёзы, впервые в жизни забыв о строгих порядках дворца. – Береги себя, царевна. Мой час пробил.

И он ушёл. Ушёл далеко за горизонт. Туда, где загорались в алых сумерках ранние звёзды. Амонет не читала небесных карт и с трудом могла вспомнить, что значили все те иероглифы. Но она знала наверняка: во всём на этом свете звездочёт был прав. Потому что на чёрном опрокинутом небе в ту ночь зажглась ещё одна звезда.

Тень фараона

Арабские ночи горячих пустынь,
И лунный таинственный свет,
Рамсес разомкнул тени чёрных рабынь,
Ища на вопрос свой ответ.

И льётся вино, и не горячит,
И золото стало золой.
В чёрном огне горящий ифрит
Возник в тишине гробовой.

Рамсес обречённо поднял глаза,
Во взгляде пустом – печаль,
Блеснула на шее его бирюза,
Из алых рубинов спираль.

Но ни алмазы, ни аквамарин
Не стоят тех знаний и снов,
Изъяв из браслета злосчастный рубин,
Он отдал ифриту без слов.

Тоску фараона не в силах понять
Ни раб, ни жрец, ни султан.
И с силою сжав клинка рукоять,
Не знает ответов шаман.

Множество свитков, множество тайн,
Мир, погребённый под толщею лжи.
«Зачем я живу на свете, шаман?
Зачем мне мои миражи?»

Тонущее солнце канет на дно,
В пустыне исчезнет Магриб,
Где боги играют опять в домино,
Неважно – ты раб иль сахиб.

Молча на камни сел гордый Рамсес,
Где сферы вертятся без конца,
Мелькали Алжир, Кадуна и Фес,
И дивные струны жреца.

И сколько не отдал бы властный сахиб
За манускрипт мертвецов,
Бессмысленно в небе кривится изгиб
Над анфиладой дворцов.

Уныние хуже вражеских вод,
Не знает разгадки мудрец.
И сжал фараон отравленный плод —
Ответ он найдёт, наконец!

Усмехнулся Создатель, нырнув в пустоту,
В ту, из которой пришёл.
И снова торговцы в Суэцком порту
Обсуждают каирский престол.

Тень фараона тревожит Луксор
Во мраке своей гробницы.
Разрушить не в силах уже договор
И молчаливая жрица.

И тысячи лет Рамсес среди пустынь
Не может найти ответ.
В нубийских песках он снова один,
И смысла по-прежнему нет.

Вениамин Бычковский

Родился в 1953 году. Живёт в Беларуси. Член Союза писателей Беларуси. Лауреат конкурса «Золотое перо Ру-

си», лауреат Общества любителей русской словесности имени Л. Толстого, дипломант Международного конкурса имени А. Платонова; обладатель Второй премии IV Международного тютчевского конкурса «Мыслящий тростник», победитель Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы». Награждён медалью имени Адама Мицкевича, медалью Московской литературной премии, медалью имени Владимира Набокова.

Изданы сборник стихов и четыре сборника рассказов. Публиковался в журналах России и Беларуси.

Как краевед изучает прошлое Полесья: создал два музея, построил часовню-памятник в память безвинно убиенных жителей четырёх деревень Полесья.

Награждён православной медалью и медалью «За личный вклад в сохранение памятников военной истории».

Ангелы во плоти

Спросите у любого ребёнка, как выглядит ангел-хранитель. И он без раздумий назовёт или нарисует некое небесное создание в человеческом облике и обязательно с крыльями. Таким изображают ангела даже в букваре. А в жизни дети не видят ангелов и вспоминают о них только под Новый год или под Рождество. Скорее из-за подарка, который появится под ёлкой благодаря ангелу, или Деду Морозу. А ангел... игрушкой висит на ёлке и слегка покачивается от сквозняков и волнений в доме. Вот такой ангел-хранитель остаётся в детской памяти – маленький, холодный, никчёмный.

А став взрослыми, мы ещё реже вспоминаем ангела: лишь в сумрачные дни, когда сильно заболеем или когда провожаем в последний путь близкого человека. Да и вспоминаем его без особой надежды на чудо, и крылатые ангелы в нашем сознании расплываются до светлого облачка в небе. Не чувствуем его любви, не видим его даже во сне. Уж очень мы далеки от небесного ангела. А если нам почудится, что он рядом, то ощутим потусторонний холодок.

Может, поэтому ребёнку и в голову не приходит попросить родителей купить ему живого ангела, ну хоть самого маленького ангелочка. Зато редкий ребёнок не мечтает о самом земном и доступном – о собачке. Взгляните в глаза малыша, когда он видит собаку, – ему бы прикоснуться, обнять, по-

тискать её! А многие дети сами готовы ползти к ней. При этом они не испытывают страха и нередко лезут прямо к морде – готовы целовать её! Однако первой лизнёт всё же собака. Лизнёт, как своего щенка: легонько слижет с детского личика слёзы восторга или слёзы обиды на родителей, которые с силой тянут своё чадо от бездомной собаки.

Так уж постарались санитары города. Следя за санитарными нормами в местах общежития, общество просмотрело антисанитарию в головах людей. А понял я это, когда прочитал «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева.

Оказывается, в былые времена людям и в голову не могло прийти, чтобы дурного человека назвать псом. Например, у древних египтян собаки, равно как и кошки, пользовались уважением. А египетский бог Анубис и вовсе имел собачью голову. В древней Греции собаки также пользовались большою любовью. А индоевропейские народы до сих пор приписывают собакам духовидство: они чуют приближение богов и демонов, незримых очам смертного. Немало доброго о собаке можно найти и в преданиях русского народа. Оказывается, чёрная собака предохраняет дом от удара молнии, а собака-двоеглазка (два белых пятна над глазами) усматривает всякую нечистую силу. Вероятно, как раз за эту чудесную способность собак – чуют худое за версту и вмиг распознавать людей – и идёт молва о чертовщине в собаках. К тому же на роль духовидцев всегда претендуют люди. А уж они-то

придумают, как очернить собак: начнут с блох на бездомных животных, а закончат бесами в собаках.

Но сейчас я думаю об обычных собаках: о больших и маленьких, о кудрявых и гладкошёрстных, о породистых и дворнягах, о них болит моё сердце, когда вижу их безотказность в самых драматических ситуациях нашей жизни. А ведь собаки знают, что их ждёт, когда лезут в завалы, когда ступают на минное поле, когда бросаются под танки...

В годы Великой Отечественной войны один русский солдат благодаря собакам спас 1580 человек! Спасал на волокуше, запряжённой собаками, где постоянной «коренной» была лайка, с которой он прошёл всю войну! Но чаще собаки гибли на передовой: свыше 1,5 миллиона собак погибло на фронтах Отечественной войны. В основном подрывались под танками. Жаль, что на этом война для собак не закончилась. После парада, посвящённого дню Победы, колонна военных санитаров распрощалась с собаками: всех собак отправили на мыловарню. И это после парада Победы! Уже тогда государство показало не только мощь и силу военной техники, но и жестокость сердец тех военачальников, которые приняли столь «важное» решение об утилизации героических собак... Я просто уверен, что тем мылом советские люди смывали с себя не только пот и кровь, но и доброту, любовь с сердец. Предполагаю, что эта директива для мыловаренных заводов исполнялась всё советское время, если сразу после развала Союза у «новых русских» появился большой

спрос на такое развлечение, как собачьи бои.

Собаки и сегодня живут как на фронте: за любым поворотом улицы собаку может ждать живодёрня. И эта война объявлена законодательно. Отловом занимаются серьёзные организации, которые привлекаются местными исполнительными и распорядительными органами. Это могут быть предприятия жилищно-коммунальных хозяйств, автобазы, а также охотники и специалисты МЧС. Пойманные ими безнадзорные животные доставляются в пункты временного содержания, которых крайне мало. Такие пункты есть только в крупных городах, но и те, ссылаясь на нехватку средств, отловленных животных сразу усыпляют или отстреливают. И этот способ можно считать самым цивилизованным. Например, недавний случай в Столбцах (Беларусь). Там на глазах у взрослых и детей после неудачного выстрела грузчик бригады по отлову добивал собаку монтировкой... Есть ощущение, что собаки становятся человечнее, а люди всё больше звереют. И, как следствие, растёт количество душевнобольных, и повышается спрос на отчитывание в православных храмах. И не дай Бог стать свидетелями того, как изгоняют нечистую силу – когда люди лают, воют... и, конечно, льют слёзы. Надеюсь, человеческие слёзы. Порой мне кажется, что в людских душах собак больше, чем на улицах. Отсюда и покусанные дети. Ведь это люди учат собак кидаться на соседей. А у кого не хватает духа для собачьей травли, тот нанимает тренера. Специалист быстро научит командам

– «Взять!..» Но уже никто не научит без слов понимать животных. «Взять!..» – сегодня наш язык. И если люди когда-то поклонялись язычеству, то сегодня зубачеству и деньгам.

Как ни прискорбно, но часто, прикрываясь любовью к животным, люди при помощи собак решают свои шкурные проблемы. Родители компенсируют недостаток своего внимания детям, семейные пары – отсутствие супружеского взаимопонимания, одинокие люди – неспособность и нежелание строить отношения с окружающими. И домашние животные в этом случае только усугубляют проблемы современного общества, где каждый за себя, где перестают общаться даже с родителями, а дружба как понятие уже выглядит устаревшей. Всё чаще и чаще мы слышим от людей: «Я больше люблю зверей, они не предают и не продают». Чего не скажешь о владельцах: брошенных собак становится всё больше и собачий рынок процветает.

На основании отечественных и западных исследований приводится такая цифра: бескорыстно питомцев заводят только 50% людей. Гораздо чаще теми, кто покупает щенка, руководят корыстные мотивы. Мы уже не удивляемся, если на руках состоятельных людей видим разодетую собачонку, которую угощают таким лакомством, за цену которого можно было бы какой-нибудь старушке питаться целый месяц. А из интервью со «звездой» мы можем узнать о таких чистокровных собачках, которые стоят как престижные машины. Тщеславие, зависть, нажива – всё это породило собачий

рынок, где собаке отвели роль выгодного товара. Появились собаки «в шоколаде» и собаки в подворотне – посередине пропасть, которую не перепрыгнуть даже гончей. Такая же пропасть и между людьми. И невольно подумаешь о крылатых ангелах.

Только где они? Неужели ангелы остались только на старинных гравюрах и на живописных полотнах прошлого? А может, ангелы окаменели и пылятся сейчас в музеях? Ведь даже из этого наследия хорошо видно, что ангелы парили над людьми. Но когда-то и птицы парили над человеком – много птиц, а теперь большинство птиц в Красной книге. Может, и ангелы где-то там, между строк Красной книги?

Случайно или нет, но и космос первыми покоряли собачки. В Советском Союзе все знали собачку Лайку. Но мало кто знал, что среди советских четвероногих космонавтов первой была не она. Имена первых покорителей космоса – Цыган и Дезик. После них летало ещё 29 собак. И только 3 ноября 1957 года на орбиту была выведена собака Лайка, упомянутая на таблице с именами погибших космонавтов в Звёздном городке. А первый успешный орбитальный полёт с возвращением на Землю 19 августа 1960 года совершили собаки Белка и Стрелка. Выходит, и у дворняг есть крылья!

Но всему свой срок – миновало это время. А ещё раньше миновала и сказка для нас: отказались от нас наши древние заступники, разлетелись вещие птицы, поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать Сыра Земля, иссякли животворные

ключи – кажется, и конец уже близок... Но Господь не оставляет нас без ангелов. Только теперь ангелы земные, чтобы даже на минуту не оставлять людей без присмотра. А кому это по силам? Только собакам! И бегут между нами собаки и прямо на бегу спасают наши души. Люди дошли уже до ручки... ножа, пистолета, автомата... до детской ручки голодного беспризорника, который собаке завидует. А если есть хлеб, то делится с бездомным псом, нередко спит с ним. С ангелом спит!

После моих размышлений, возможно, и меня кто-то назовет псом. Я не обижусь. И уж тем более не стану лаять на них или выть на судьбу, а нежно поглажу свою дворняжку. Многому я научился у неё, особенно терпению. Но разве сравнить наше терпение или нашу любовь с их преданностью людям?

Я никогда не забуду историю собаки Хатико, произошедшую в Японии. Этот пёс родился в 1923 году. Его хозяином был профессор Токийского университета Есабуро Иено. Хатико всегда провожал профессора до станции Сибуя и обязательно дожидался его возвращения. Но однажды профессор не вернулся: он умер. А Хатико продолжал его ждать на станции и ждал девять лет, ждал до последних своих дней. Хатико умер в 1934 году. Сегодня на том месте стоит бронзовая статуя ждущего Хатико. И таких собак, застывших в камне и в бронзе, немало, они есть во многих странах. Эти собаки до последнего вздоха ждали своих хозяев, ждали и

верили в их возвращение.

И мы, однажды потерявшие любимого пса, невольно вздрагиваем, когда вдруг увидим похожую собаку: мы сердцем ждём утерянных собак, и остаётся с ними связь, как с ангелами... И очень хочется верить в то, что когда-нибудь люди будут вкладывать совсем иной смысл в слово «собачий». И люди опять станут приветствовать друг друга не «здравствуйте», а как в древности – «радуйся». Радуйся встрече! Как радуются нам знакомые собаки. И, как на остаток старинного уважения к собаке, закончу народным советом: «Не пинай собаку – не то судороги потянут».

Бабье лето

После бессонной ночи всё как будто не хватало воздуха. Только к полудню старушка Маня вышла на крыльцо, чтобы подышать свежим воздухом «бабского» лета. Ещё девчонкой, подражая старшим, прозвала она бабье лето «бабским», да так и осталось. Позади её «бабские» золотые годочки, теперь ей уже за восемьдесят, и остаётся любоваться осенним золотом только из окна или с крылечка.

Старушку звали Мария Васильевна, но в деревне её называли просто Маня или баба Маня. Ей нравилась эта простота в своём имени, и так называл муж – единственный её возлюбленный Николай, которого давно уже нет. Построил дом и вскоре умер, и года не прожил в нём.

Маня стояла на крыльце, опираясь на палочку. В валенках, в полинявшем пальтишке и в тёплой шали она выглядела так, точно собралась в зиму. Конечно, солнце её радовало, но уже не грело, и любое время года она провожала с одной мыслью: «Вот ещё одно лето пережила, может, последнее...» Бог даст, и золотая осень украсит её старость!

Во дворе старушка увидела сына за работой; Анатолий так разогрелся, что разделся по пояс. Он навешивал новую калитку из железных прутьев. Калитка казалась прозрачной и с кружочком по центру, от которого тянулись прутья, как лучи от солнца.

«И у калитки своё солнце будет; молодец, сынок...» – отметила Маня, и ей захотелось поговорить с сыном. Но, подумав, решила не отвлекать его от работы.

Она посмотрела на тропку у крыльца и сошла вниз. По тропочке подошла к скамейке под навесом дома и села на её краешек.

Перед ней раскинулся двор, залитый солнцем. Клумбы цветов, ровные кустики вдоль забора, аккуратные дорожки, ведущие к колодцу, к резной беседке...

«Красиво! Как в кино! И всё как будто новое... – задумалась она. Потом поёжилась, будто замёрзла. – А я ведь боюсь нового. Оно кажется мне холодным и жёстким, похожим...» – её мысль прервалась резкой болью в сердце. Она сложила руки на груди – будто обняла себя, а мысль всё металась в ней и скоро нашла выход – ещё раз кольнула в сердце.

– Вот-вот, в старом – моё сердце! – выдохнула старушка.

Её взгляд остановился на беседке, которая красовалась резными перилами, замысловатой, как у терема, крышей – и эта работа сына ей очень нравилась. Только сидеть в беседке ей было неудобно. Если приходилось сидеть там с внучкой, то Маня всегда вспоминала старуху из «Сказки о рыбаке и рыбке», когда сварливая старуха становилась дворянкой, но при этом ни ступить, ни молвить не могла, как полагалось. И Мане не хотелось сместить ни рыбака из сказки, ни себя.

Ей нравилось сидеть вот здесь, под навесом, на этой ста-

рой скамейке, которая тоже стеснялась нового и прижалась к бревенчатой стене дома, как дитя к матери.

Только солнцу было всё равно – старое или новое – оно одинаково золотило старый бревенчатый дом и современную беседку, старую скамейку и совсем новую калитку, но больше всего солнце хвасталось позолотой на деревьях!

И этот «укол» счастья был в самое сердце Мани! Сердце рвалось от бессознательной радости и полноты жизни! Всё тут, всё – от самого детства. Она улыбалась и чувствовала к кому-то детскую благодарность за всё, что переживала сейчас. И золото осени, и тепло от солнца, казалось, были только затем, чтобы она ещё больше любила и ценила этот день. Старушка закрыла глаза от солнца и скоро задремала.

Ей снился старый дом, ещё дедом построенный. Печка. Она заглянула в очаг, где жар краснел... но на её глазах угли превратились в остывшую золу... Она подошла к колыбели, где сопел и барахтался сын... но, протянув к нему руки, осознала, что колыбель оказалась пустой, и одеяльце с подушкой остыли...

Многое из того, что она знала и забыла, снова выплывало наверх из бездонных и тёмных глубин памяти. Ей не нужно было «вспоминать», ибо она в одно мгновение стала «видеть», как, вероятно, «видят» слепцы.

Маня увидела тропинку – и прозрачную тень на ней. Да это же она – в далёком детстве – босой идёт в соседнюю деревню. Идёт одна... Наверное, в церковь, когда мать болела.

А вот и старец-слепец на паперти церкви. Сидит в ожидании милости и незрячими глазами тянется к солнцу, ловя тепло его. Кажется, что милости он ждёт не от людей, а от солнца...

От скрипа калитки Маня очнулась и открыла глаза.

«И сегодня такое же солнце, — подумала она и, закрыв глаза от слепящего солнца, вновь погрузилась в сон и воспоминания. — Господи! Слепец с поводырём стояли под окнами и пели о смертном часе. Услышав их, мать бросила все дела и вышла за ними. Божьи певуны вошли в избу, в пояс поклонились, перекрестились, и мать усадила их за стол. В ветхих зипунах, с нищенскими котомками за плечами ходили они по деревням и пели духовные песни. Опустит, бывало, мать голову и слушает, а слёзы-то по лицу так и катятся!»

Маня проснулась, но продолжала сидеть с закрытыми глазами, а по лицу катились слёзы.

«Господи! Как хорошо-то!» — она чувствовала, как в её душе собралась вся жизнь и, кажется, уже сливается с золотым днём бабьего лета.

Оценили этот день и мухи. Чёрным роем облепили деревянную стену у неё за спиной и, не шелохнувшись, грелись на солнце. Старушка тоже тихо сидела и утирала слёзы радости: «Смотри, сколько света и золота! Смотри, Маня, любуйся, что лежит перед тобой!.. И ничего, что позади уже мухи слетелись на прошлое...»

Она ещё немного посидела и стала замерзать. Да и в доме внучка одна, не случилось бы чего!

Сегодня сын дома, так младшую не повели в садик, и молодые подольше понежились в постели. «Небось, хозяйка и на птицефабрику опоздала», – вспомнила старушка и задумалась о невестке, – хотя это не впервой, как-никак начальница... И в доме она начальница, во всём любит порядок. И посмотреть на неё любо-дорого – красавица! Только характер тяжёлый. Однажды ей даже старухи об этом сказали:

– Злая у тебя невестка, от неё и сын портится, Маня...

– Кому она злая, а мне – лучше её нет! – одёрнула она старух.

И при ней больше не вели разговоров об этом.

А ведь правы были люди: сильно сын добром поубавился. Всё больше молчит. Зато невестку не сдержат! А в чём я виновата? Что сына-богатыря вырастила? За дом, что старый? Но с новой пристройкой и не подумаешь, что он старый. Николай последнее здоровье отдал, пока построил. Ладно, старшие сыновья помогли... Никого из них уже нет в живых, а дом стоит. И внучки родились в нём. Да я ещё на ногах. Только уже не в радость, мешаю молодым. Иной раз и до баньки некому проводить. А могла бы ещё и у печки постоять, да не доверяет невестка, брезгует. Уж давно посуды не касаюсь, иначе перемывать кинется. Бог с нею! А что косо посмотрит иногда, так это ничего... По деревне сказывают, будто есть случаи, когда стариков из дома выгоняли. Но что-то не верится. Люди умеют приплести своё, особенно там, где кипят страсти. Может, и я зря обижаюсь на невестку?»

– Прости меня, Господи! – перекрестилась Маня и, опираясь на палочку, встала со скамейки. Она медленно побрела в дом, а мухи на стене даже не шелохнулись – точно Мани уже и на свете не было.

Перешагнув порог дома, старушка сняла в прихожей валенки, дабы не наследить, повесила пальтишко, шаль и по ковру зашагала в шерстяных чулках, которые на худых её ножках кое-где морщились. В этих морщинках на чулках было что-то из её бедного детства, когда чулочки доставались от старших сестёр, а если покупались, то всегда на вырост. И если бы не седина и возраст, то можно было подумать, что это девчушка идёт по ковру.

Маня остановилась у двери в детскую, прислушалась. «Никак с куклой играет. Растёт красавица! Пять годков, а в своей группе детсада на голову выше всех...» – подумала она и решила не отвлекать внучку.

Бесшумно шагая по комнате, залитой лучами солнца, она опять почувствовала укол в сердце, только в этот раз укол был глубже и вызвал испуг – не упасть бы. Лучи из окон ложились на дорогую мебель, на роскошный ковёр на полу, и вдруг – это полное единство с красотой в доме, что окружало сейчас Маню, стало отворачиваться от неё, становиться чужим.

Она зашла в свой закуток, куда солнце давно не заглядывает. Спрятанный от глаза печкой и прочной занавеской и оттого, наверное, не менявшийся от времени, он, казалось,

принадлежал чему-то древнему, что уже и в мире-то не сохранилось.

Кошка, которая обычно грелась в ногах, сидела сейчас у окна и что-то высматривала в саду, где яркие разноцветные листья, устав от жизни и холодного ветра, торопливо падали с деревьев на землю с надеждой хоть там немного отогреться. Старушка могла их понять: она сама спешила на кровать, чтоб, не раздеваясь, укрыться тёплым одеялом.

Перед тем, как лечь, она остановилась напротив иконы, перекрестилась и вполголоса прочитала молитву. Затем долго укладывалась, пока не нашла такое положение, чтобы лучше дышалось. Она закрыла глаза и тут же их открыла – кружилась голова. Она взглянула на сундук, стоявший у кровати, где хранились все её пожитки и небольшой пакетик на случай смерти. И, как бы спасаясь от мрачных мыслей, она перевела свой взгляд в уголок, где висела старая икона с медной лампадкой.

«К иконе подошла впервые ещё совсем маленькой», – вспоминала Маня. И матушка, простая и ласковая, строго учила её, как надо креститься, учила словам, которые сама-то Маня не решается говорить своим внукам. Невестка запретила. Да и иконка-то висела раньше в другом, светлом месте. Перевесили вскоре после свадьбы молодых, когда хозяйкой в доме стала невестка...

Старушка опять почувствовала неглубокую, но тревожную боль в груди. Боль быстро прошла, однако сменилась

сонным томлением и тревогой. Её всё больше клонило ко сну, и глаза уже слипались, как вдруг она услышала голос внучки:

– Бабуля, а бабуля! Не спи!..

– Нет, я не сплю, я ничего, – ответила старушка и, открыв глаза, повернулась к внучке.

Девочка не сдержалась и всхлипнула.

– А чего плачешь? – с жалостью спросила Маня, вытирая слёзки с её лица.

– Мне страшно, – сквозь слёзы ответила внучка.

– А чего? – заволновалась Маня.

– Я испугалась, что ты умерла... – изредка всхлипывая, вздрагивающим голосом ответила внучка.

– Ну что ты... Что ты, милая... – поглаживая её по голове, успокаивала Маня.

Перестав плакать, внучка сказала:

– А мама ругается, что ты долго живёшь...

Маня ничего не ответила, а только подняла свой взгляд куда-то вверх, забрала руку с головы внучки и положила себе на грудь.

Внучке опять стало страшно, и она приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видеть бабуку и знать, что она не спит. Заглянув в лицо бабки, девочка спросила:

– А почему ты плачешь? Ведь я уже перестала...

Старушка вновь провела рукой по её голове и тихо ответила:

– Нет... Я не плачу... Просто глазки болят.

Девочка залезла на кровать около изголовья старушки.

– Я знаю, ты по мне скучаешь, – сказала внучка. – А мамка не пускает к тебе, говорит, что ты больная и скоро умрёшь... А разве от глазок умирают?

– Нет, не умирают, – ещё тише ответила старушка.

Девочка кулачком утёрла слёзы на лице старушки. Затем глубоко вздохнула, чтобы вытеснить из своего сердечка страх и сомнения. Внучка была уже готова поиграть с бабулей, когда Маня, почти шёпотом, сказала:

– Внученька! Кликни мне папку... Только на крылечке не упади! Погоди чуток...

Старушка взяла маленькую тёплую ручку и на мгновенье положила себе на губы.

Внучка сползла с высокой кровати и, пока шла до отца, про себя рассуждала: «Когда мама целует ручку, то тепло, а губы бабули почему-то холодные, – и тут же сама себя успокоила. – Знаю! Она же старенькая, вот губки и замёрзли».

Старушка лежала на столе уже второй день, но тело её не пахло смертью, настолько оно было маленьким, худым и очень опрятным. А сидевший у изголовья сын рядом с нею казался ещё крупнее. И разница была столь велика, что невольно приходило в голову: как это маленькое скупое тело матери могло дать сыну такое здоровье, оставив себе только то, что сейчас покоилось в гробу.

Сын молча плакал редкими слезами, искажая своё лицо,

чтобы без звука стерпеть печаль и боль в сердце. «Как же я мог опоздать?! Когда подошёл, она была уже мертва. И во дворе не подошёл, когда она сидела на скамейке...» – корил себя сын. И чтобы скрыть от всех своё отчаяние, он все заботы с похоронами взвалил на свои плечи, так было легче ему.

Не забыл он и давний наказ матери: поехал в район договориться с бабушкой об отпевании.

Дом был открыт, и многие из деревни ходили смотреть на Маню. Но ни плача, ни причитаний, лишь редкие всхлипывания одиноких старушек, которые больше напоминали уставшие вздохи, чем плач.

Сноха Алла Петровна занималась поминками. Она знала толк в любых застольях и умела накрыть стол. Заготавливая блюда, она вновь и вновь думала о поминках. И чего бы ни говорили в деревне о ней, об отношении к свекрови, завтра она всем покажет, как надо поминать! Сытно накормит, вдоволь напоит, и всей деревней будут говорить, что, мол, Петровна всем нос утёрла! Попробуй скажи, что обижала старуху, если такие поминки закатали!

На кухне появилась её старшая дочь Маринка и холодно обратилась к матери:

– Пока у гроба никого, я посижу с бабулей.

– Ну иди. Только не засиживайся, здесь pomoжешь...

Маринка вскинула глаза на мать и молча вышла из кухни. «Ишь как взглянула, как обожгла! – задумалась Алла Петровна. – Тоже с характером». Не думала, что её Маринка так

сильно привяжется к старухе. А с другой стороны, иначе и быть не могло: пока она работала и училась в институте, старуха нянчилась с дочкой. До сих пор Маринку тянет в закуток старухи. Уже не раз ловила на себе её пристальный взгляд, в котором читалось: «Что, мамочка, дождалась смерти бабушки...»

Помимо этого взгляда что-то ещё настораживало, и Алла Петровна решила не оставлять их наедине. И к мёртвой она ревновала Маринку и вслед за ней появилась у гроба. Она терпеливо сидела рядом с дочкой и задумчиво смотрела поверх покойной. Больше всего она боялась, что старая сляжет и за ней нужен будет уход. Обошлось. Одного она не может объяснить себе: почему свекровь раздражала её? Ведь и опрятная была, и слова лишнего не говорила... Но если свекровь была рядом, то ей на сердце как будто камень ложился и мешал не только говорить, но и дышать. Сколько она ни пыталась побороть в себе это чувство, ничего не выходило. Порой срывалась и уже не помнила себя. Правда, пугала этим не свекровь, а мужа, который при этом молчал или непонятно кивал головой: то ли отворачивался, то ли соглашался с ней... Ещё до замужества она поняла: из него хоть верёвки вей. Но это между ними. А так, пожалуй, самый видный мужик в совхозе, и руки золотые. И будь он посмелей, далеко бы пошёл. А в общем, грех обижаться. Почитай, одни из самых богатых в деревне.

Недолго просидела у гроба Алла Петровна, приготовилась

уже встать, когда в комнату вошёл Анатолий. Не глядя на жену и дочь, он тихо сказал им:

– Идите. Я посижу один.

– Ты лучше иди поспи! – воскликнула жена, резко поднявшись с места.

Анатолий промолчал. Он притворил за ними дверь, медленно приблизился к матери и сел на стул. Одной рукой он опёрся на край гроба, а другой стал гладить по принаряженному телу матери. Под его рукой было нечто ледяное, неподвижное, бездыханное, и всё же совсем не то, что можно было назвать трупом. «Разве то, что лежит и молчит в этом новом красивом гробу, обитом лиловым бархатом с орнаментом и крестами, разве это та, что ещё вчера сидела во дворе под лучами солнца? – терзал себя мыслями Анатолий. – Нет, совершилось с ней некое преобразование – и всё преобразилось вокруг неё». Только он один остался прежним.

Он закрыл глаза. Он не думал, что уже вторые сутки не спит. Он находился в положении человека, впервые узнавшего, что у него есть душа. Он ощущал её и чувствовал, где она, потому что она у него болела. В ней творилось что-то невообразимое... Что это – проснулась совесть? Но Анатолий не верил в совесть. Если бы её можно было ощутить, то она, наверное, всё время зудела, и он сошёл бы с ума. И в смерти матери он не винил себя, но ощущал какой-то стыд. И вдруг он вздрогнул, когда сквозь тёмную толщу своего забытья он заметил, что его левая рука лежит на глазах матери,

как будто прикрывает и без того закрытые глаза. Он поспешно отдернул руку и встал. Потом нагнулся и поцеловал холодный лоб матери, продлив этот поцелуй, насколько хватило воздуха в груди. В течение всего этого прикосновения ему казалось, что под тонкими, почти ажурными веками спрятана сейчас улыбка матери. Он развернулся и пошёл за печку, в уголок матери, где зажёл лампадку. Свет от неё тут же высветил икону и небольшую деревянную рамку, под стеклом которой были фотографии отца, старших братьев и его самого – ещё тех времён, когда учился в школе. А сейчас он тенью на стене, не колыхаясь, как свеча перед иконой, еле-еле горит.

Задёрнув занавеску, он присел на кровать, под которой в детстве прятался в играх, и заплакал, уже не сдерживая слёз и всего того, что скопилось за последние годы в его душе. И чем больше он плакал, тем больше прояснялись воспоминания. Казалось, вместе со слезами рассеивается туман в его голове, и он видит, понимает сейчас всё, что происходило с ним в эти годы.

Чаще всего мать сидела в своём уголочке и тихо ждала, когда он придёт с работы, и они семьёй сядут ужинать. А он приходил всегда усталый и не находил времени для неё. Жена и вовсе всегда чем-то была недовольна. Только дочки тянулись к ней. И жила его мать как бы с краешку. Да и за ужином сидела на краешке стола. Смущалась, если звякала ложкой о тарелку, – старалась не шуметь. С ней молчали. И

она не засиживалась за столом, чтобы у них оставалось время почаёвничать за разговорами. И за всё он теперь винился перед матерью, точно она стояла рядом, но молчала...

А он сам разве много говорил с ней? Разве он не молчал, когда откровенно обижали мать? Сколько раз под хмельком распускалась его баба и могла сказать всё... А она, бедная, как праздник – шла к соседке. Там ей было спокойнее...

Вспомнил он и последний разговор с матерью. Совсем недавно. После ужина мать поднялась и стала собирать со скатерти крошки.

– Что ж мы, нищие? – сказал он тогда с упреком.

– Нет, слишком богатые, – ответила она.

Мать всё знала и страдала за него. Она по-своему расплачивалась за его покой, за его машину, мебель – за всё расплачивалась своей душою, любовью к нему, к его дочерям...

Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным и слабым. Он беззащитен даже в собственном доме, где родился, где вырос, где создал семью... Сердце подсказывало ему, что случилось нечто гораздо более страшное, чем уход матери, случилось нечто таинственное и непоправимое для его семьи. Он уже чувствует на себе чужой, незнакомый взгляд, в котором угадывается усмешка, торжество победы ещё над одним домом добра и любви. Он уже видит, как во все щели дома неслышно вползает что-то чёрное, занимает всё пространство комнат, спешит за печку, а он не в силах остановить... Ему кажется, что и лампадный огонёк начинает гас-

нута, и тут же давит тьма...

Страх поднял его с кровати. В вечернем сумраке он вернулся к гробу, наклонился и поцеловал руки, губы матери и сказал: «Прости меня...»

Осторожно сел рядом и закрыл глаза, чтобы сердце его забыло думать и чувствовать. А на мёртвом лице старушки остались блеснуть несколько его слезинок, отчего казалось, что мать только на время закрыла глаза от слёз, которыми оплакивала своего последнего сына.

Животворящий крест

(Быль)

Над деревенским погостом в дубовой роще пронёсся ураган и повалил несколько старых берёз, которые повредили некоторые памятники. По этому случаю из деревни пришли люди, чтобы убрать упавшие деревья и поправить памятники. Для этого приехал из города и Владимир Николаевич, чтобы помочь селянам и посмотреть, насколько повреждены памятники родителям. Все старые деревья на погосте знали его ещё с того времени, когда он был не Владимиром Николаевичем – по-городскому, не Николаевичем – по-деревенски, а просто мальцом Вовкой, приходившим сюда с отцом, держась за руку. Можно сказать, он вырос на виду дубов. Будучи ещё подростком, Вовка обходил почти все дубы после ураганных ветров и непогоды, чтобы убрать поломанные ветки или вырубить побеги случайных деревьев, кустов. А Стародуб и вовсе помнит весь род Владимира, особенно поминает его деда Трофима, который часто говорил со Стародубом и черпал силы от него. Эту любовь к Стародубу унаследовал и Владимир. При каждой встрече он обнимает Стародуб так крепко, что, кажется, врастает в кору своим телом, а лицом ложится на глубокие морщины коры и горячо дышит, точно хочет горячим дыханием разгладить всю кору. Конечно, и Стародуб приходит в волнение и тоже старает-

ся поделиться своим теплом и укрепить его сердце силой и энергией.

Их встречи волновали многих на погосте: одни деревья сопереживали, другие завидовали их дружбе, но равнодушных не было. Деревья видели Владимира и весёлым, и задумчивым, и грустным, нередко замечали и слёзы в его глазах. Но были и такие деревья, которые поскрипывали на его дружбу со Стародубом, особенно бурчали на него деревянные кресты. Вот и сегодня кресты первыми начали ворчать, когда Владимир обнял Стародуб:

– Опять пришёл и жмётся к своему старому другу!.. Точно Стародуб мёдом обмазан! И кто бы ни пришёл на кладбище, все льнут к нему и начинают мерить его ствол объятиями... И когда он иссохнет? Или сгниёт, как мы гниём... А сколько нас свалилось после урагана?! А ему ничего! Лишь одна подсохшая ветка сломалась. И стоит себе как ни в чём не бывало...

Но больше всего от урагана пострадали берёзы: одни сломались под корень, другие пополам, что также не давало им шансов выжить. К тому же упавшие деревья сломали не только старые кресты, ограды, но и гранитные памятники, которые, казалось, будут стоять вечно. Но сила стихий бывает крепче гранита!

Эта трагедия вызвала такой переполох на кладбище, что не только пострадавшие деревья и кресты стонали от боли, но и люди из деревни, наводя порядок на могилах, также вы-

ражали недовольство. Затем селяне дружно и довольно быстро попилили сломанные берёзы на чурки и вынесли за территорию кладбища, а упавшие кресты – часть сложили на месте мусора, а какие-то кресты приставили к оградкам или к стволам больших дубов.

Сломанные кресты поначалу молчали, потрясённые ураганом, но потом стали приходить в себя и роптать на судьбу. Их ропот сливался со стоном повреждённых деревьев, в котором слышалась обида на всё, что окружало их, но больше всего сетовали в адрес Стародуба. Тысячу лет стоит и ничего с ним не происходит?! А тут ещё увидели человека, который сердечно обнимал его. И тогда даже здоровые дубы, подчиняясь общему настроению, стали ворчать на Стародуб. Молчали только выжившие побеги молодых деревьев, довольные тем, что пережили весь этот кошмар, но и они покачивались в сторону Стародуба, как будто кивали, соглашаясь с мнением большинства.

Поглядывали в сторону Стародуба и новые кресты из мраморной крошки, из гранита. Но их взгляды были вскользь, с пренебрежением, в них ещё оставался лоск и надменность ко всему старому и тленному. Они заискивали только перед специалистами по надгробным изваяниям, когда те резали их сверхпрочными пилами, ковыряли другими инструментами; эти мастера со знанием дела кромсали гранит и мрамор, чтобы в них не осталось крепости и памяти о родных горах и скалах. Вместо природных вкраплений и наростов

родных скал на ровных зашлифованных спилах красовались портреты людей, орнаменты и слова посвящений усопшим. Природы для каменных изваяний уже не существовало.

Какое-то время Стародуб не особо вслушивался в ропот и стон над кладбищем, он был погружён в свои мысли о случившемся: «Похоже, что в природе серьёзные перемены, и подтверждением этому являются участвовавшие катаклизмы, которые тревожат не только людей, но и растительный мир – засухи и пожары, ливни и заморозки среди лета, смерчи и ураганы. Например, недавний ураган. Казалось бы, здесь отродясь всё жмётся к земле, так нет же, стихийным силам этого мало. А может быть, эти силы не такие уж стихийные? И в сломанной ураганом большой берёзе есть некий знак или неведомый смысл? Даже мой тысячелетний возраст не позволяет мне быть уверенным в таких случайностях, когда здоровое и сильное дерево вдруг ломается как спичка. Ведь этой берёзе было около ста лет, и она испытала многое за свой век, я-то уж это знаю, если помню берёзу ещё росточком. Уже тогда берёза показала свою стойкость – сколько прочных корней по соседству хотело лишить её влаги, отнять земли, но берёза не поддавалась, не засохла. А сколько ураганных ветров пронеслось над ней! И вдруг разом сломалась. И так упала, что подмяла под собою сразу несколько могильных крестов – даже каменные не устояли!»

Стародуб окинул взглядом место, где росла берёза, потом вспомнил селян, распиливших упавшую берёзу на чурки...

И невольно подумал о себе: «Когда-нибудь и меня вот так же распилят на чурки и вынесут за ограду, только людям на руках их не вынести, нужна будет техника, чтобы справиться с такой тяжестью...» Эти мысли прервал усиливавшийся ропот над могилами. Стародуб вслушался в стенания крестов, деревьев и сразу понял, что опять осуждают его стойкость и древность. Поначалу он решил молчать: пусть выговорятся и хотя бы таким образом снимут боль и обиду за пережитое. Но когда во всеобщем ропоте он узнал голоса не пострадавших дубов, то понял, что самое время объясниться с молодой порослью дубовой рощи, а заодно и с другими деревьями и, конечно, с крестами, которые он всегда жалел. Но сначала Стародуб обратился к деревьям:

– Друзья, я хорошо понимаю боль крестов и сильно пострадавших деревьев, но я слышу, что и дубы, не тронутые ураганом, за исключением двух-трёх деревьев, тоже стонут... Что же у вас болит? Хотя вы давно растёте с плохим настроением, что я не удивляюсь вашему нытью и увядающему виду. Вот ты, – Стародуб обратился к искривлённому от молнии дубу, – говоришь, что умираешь, потому что не можешь быть таким высоким, как сосна...

– Ну а ты что чахнешь? – обратился Стародуб к молодому дубу, который то и дело размахивал ветками, будто хотел избавиться от них. – Ведь ты ещё так молод и полон сил?

– Хорошо тебе рассуждать, – перестав махать ветками, заговорил молодой дуб, – когда ты всё пережил – девственный

цветущий лес, древние поселения с их обрядами, в центре которых ты занимал почётное место, да что там говорить, ты всего насмотрелся за свою жизнь. А я как увидел цветущую грушу, так и покой потерял, просто засыхаю оттого, что не цвету такими же цветами, как она.

– А вы не подумали о том, что мы не сами по себе растём дубами, да и растём не там, где нам хотелось бы, – продолжал говорить Стародуб, – у каждого из нас есть прошлое, которое бесценным жемчугом попало в наши жёлуди. Хотя жёлудь – это ещё не дуб. Чтобы крохотный жёлудь превратился в могучий дуб, ему нужно попасть в почву. Влага и песчаная почва переполнят своей энергией его оболочку, и она прорвётся росточком. И каким росточком – первые листочки в виде креста! И какая бы крестная мука ни взвалилась на росточек, его жизнь будет осенена животворящим крестом! В свою очередь росточек будут хлестать дождь, палить солнце, клонить ветер, пока в этом «трении» он не разовьётся в прекрасное дерево. Это ли не сила нашего креста! Господь вложил в нас этот знак ещё в райском саду – поэтому все наши ветви растут крестообразно. Но что вам прошлое и знак «креста», когда одному захотелось стать сосной, чтобы стать выше и подняться над нами. Другому захотелось цвести и благоухать цветами... Не удивлюсь, если вон тот росток, – Стародуб опустил тяжёлую ветку в сторону молодого побега, – и вовсе захочет стать розой!

Дубы на время замолчали, как бы застеснялись своих от-

кровений. А Стародуб продолжал вещать:

– Я считаю само собой разумеющимся, что мы растём именно здесь. Всё предопределено нашими корнями. Уж не говорю о том, что солнца и влаги здесь в достатке. И люди с благоговением относятся к этому месту и стараются не тревожить нас. Если они вдруг захотят нас выкорчевать, то им придётся нарушить покой своих предков, а это весьма опасно для их будущего. А для вашего будущего опасно осуждать прошлое – это равносильно тому, что вы отказываетесь от своих корней, которые дали вам жизнь и питают вас. Мы не можем быть ничем другим, а только тем, что мы есть. Тем более, что дубов в этом крае осталось не так уж много. К тому же наша дубовая роща сохранилась с древнейших времён! Тем самым мы выполняем ещё историческую миссию, и не случайно нас объявили памятником природы в Полесье! Мы растём здесь, потому что мы нужны миру такими, какие мы есть! Иначе здесь были бы другие деревья. Узнайте же, кто вы! Просто взгляните внутрь себя. Правда, некоторым деревьям может помешать этому совесть. Совесть обличает изнутри – «его червь точит». А как этот червь оказался изнутри? Всё просто и начинается с одного червя, который может быть незаметным под корой, и можно не придавать ему значения, но потом вдруг окажется, что их десятки, сотни, и они кромсают уже ствол. Не надо быть бесчувственным, ведь с этого-то червя нередко и начинается болезнь. И поразить она может до самой сердцевины. А прогнать до серд-

цевины ствола – это стать деревом Чернолесья... А мы рождены и растём в благодатном крае Полесья! Ещё вы должны знать, что этот червь неумирающий, который только и ждёт ослабленное духом дерево, чтобы с лёгкостью добраться до сердцевины ствола и выжрать её. И вторая сила, вечно разрушающая нас, – это огонь неугасающий; но они бессильны до конца разрушить наш растительный мир, потому что у нас животворящие корни от Всевышнего! Корни – это наши истоки. По природе своей, когда корень прорастает, он смиряется с земной жизнью, все его силы устремлены в небо, а каждая веточка или сучок на стволе – это скорбь, которая не даёт нам возгордиться высотой, а напротив, каждой новой веточкой учит смирению. А за каждую смиренную ветку приходит благодать и сила. Но это совсем не значит, что любое дерево обладает необходимой прочностью. При быстром росте как раз прочность и теряется, а теряется оттого, что действительного подъёма земли к небу не происходит, дух такого дерева как будто отрицает землю – отделяясь от земли, он ничего не берёт оттуда – нет красивых веток, его листва бесцветна, точно выгорела на солнце, – нет радуги соцветий. Красота веток, краски, формы – всё это теряется с каждым метром высоты. Всё, что торопится вверх, как будто отрекается от земного, отрекается, как от «презренного»... А в земле вся корневая жизнь дерева, вся память о прошлом. И это беспамятство не укрепляет породу дерева, и при сильном порыве ветра первыми ломаются самые высокие дере-

вья. Когда-то и я придавал большое значение росту ствола, а не кроне и листьям, в которых родовые семена будущего. Тогда мне показалось, что я достоин большей высоты, и все мои устремления были в высоту. Сейчас всем хорошо видно, что основной мой ствол сломан как раз в той части моего ствола, где предполагается вершина. Этот знак навсегда остался напоминанием мне о том времени, когда я поверил в свою избранность, и за это был наказан. Однажды случился ещё более сильный ураган, чем недавно, и он разом сломал мою вершину, а следом молния угодила туда же и выжгла всю мою гордость. Случилось это 500 лет назад, поэтому вторую половину жизни я уже не думал о высоте, все мои помыслы были о корнях и о кроне. Как видите, ствол почти высох, а на ветвях по-прежнему богатая листва! Чтобы ствол дерева был крепким, нужно расти не только стволом или ветками, желательно в каждом новом побеге повторять корень, то есть не изменять корневой системе и над землёй, как бы прорастать в пространство как в землю. Это на первый взгляд кажется, чего проще, но за внешней простотой таятся все мыслимые и немыслимые испытания. Всмотритесь в основание всех ветвей на всех уровнях и вы без труда заметите, что рядом с живыми ветвями обязательно есть сухие ветви или то, что осталось от них. Не прижились в пространстве, хотя для земли вполне годились. Выходит, непросто повторять корень над землёй, непросто поднимать его «крест» на высоту. Но случается беда и с тем, кто растёт низко и всегда уверен, что

не упадёт. Но это низкорослое деревце забывает о том, что на него может упасть большое дерево. Это в лесу, а на пустынном месте его может сломать даже небольшой зверёк.

Многое из того, что слышали сейчас деревья от Стародуба, было для всех откровением и вызвало затишье на кладбище. Но скоро один из молодых дубов зашелестел всеми листьями:

– Стародуб, если Господь так любит нас, то почему моя надломленная ветка не приживается до сих пор?

– Если в этой веточке остались живые соки, – уже спокойнее отвечал Стародуб, – то она и сама оживёт, а с благодатью с небес может получиться так, что вместе с веткой ты потеряешь и веру в благое.

– А при чём здесь вера?

– Видишь ли, твоя надломленная ветка, возможно, высыхает. Правда, листья на ней ещё есть, но вот сока для новых побегов может не хватить. И если бы недавний ураган доломал эту ветку, то ветка первой бы сказала: «Я росла бы и дальше, но ветер сломал меня окончательно!» Поэтому Господь сознательно не хочет прикасаться к надломленной ветке, ведь не исключено, что потом, сломавшись совсем, ветка станет протестовать: «Это Он до меня дотронулся, и потому я сломалась!» Но раз ты была надломленной, еле держалась и вот-вот сломалась бы сама, то что же ты обвиняешь Бога в том, что Он до тебя дотронулся и тебя сломал? Поэтому, брат-дубок, дождись своего часа, когда ветка оконча-

тельно отсохнет или оживёт. И то, и другое будет принадлежать только твоей судьбе, и в случае плохого исхода тебе не надо будет искать виновного, то есть лишний раз искушать свою веру в Господа. К тому же всё, что надо для жизни, тебе дано, и уже дело твоё, как переносить тебе потерю или приобретение.

Стародуб на время примолк, чтобы деревья немного подумали о своих ослабленных ветках, которых хватало на каждом дереве, а потом продолжил:

– Очень надеюсь, что наш разговор останется в вашей памяти, и всё же я призываю все деревья, независимо какой породы, прежде всего прислушиваться к своим корням – в них основная ваша сила, ваше будущее. Не секрет, что в нашу жизнь вмешиваются природные стихии – как недавний ураган или молнии, от которых можем сгореть. Только это не тот костёр, что разводят люди. Костёр от молнии небеса согревает! Но ещё есть человек, от которого также многое зависит. Вы прекрасно знаете, с какой лёгкостью человек может погубить нас. Да что говорить, посмотрите на деревянные кресты, ведь каждый из них когда-то был деревом – лучшим деревом на тот час, если человек сделал из него крест. Для креста человек выбирает, как правило, самое крепкое дерево. И если бы не ураган, то сломанные кресты простояли бы ещё не одно десятилетие...

Стародуб замолчал и удивился тишине: не верилось, что деревянные кресты молчат... «Но так молчат, когда срывают

горло от воплей и стонов! – подумал Стародуб. – А им есть что вспомнить: у каждого дерева свой крестный путь, и кто может упрекнуть их в случившемся... Никто. И нелегко им смотреть на моё долголетие, ведь не попади они под топор человека, возможно, и из них кто-то мог стать долгожителем в лесу».

– Даже когда вы молчите, – Стародуб обратился к крестам, – я слышу ваш ропот и стон: вы завидуете моей долгой жизни, а себя считаете мучениками, потому что вас порезали на кресты, и вы доживаете свой век обрубками. И в каждом обрубке уже нет корня, вместо него только обида и злость... Но у вас остались кольца роста – это как родинки на теле человека, в них сконцентрирована память прошлого, а в памяти сила, которая позволяет даже маленькой щепке держаться на плаву волн и течений. Но вы не на плаву течений, а на вершинах жизней! Смерть – это вершина, с которой открывается Вечность. А вспомните время, когда вы утопали в венках и цветах... Вы что-нибудь подобное видели вокруг дерева? И всё же вы считаете себя мучениками, потому что порезаны на кресты. А теперь представьте, – ещё убедительнее заговорил Стародуб, – что переживают доски, на которых пишут иконы? И сколько с них снимают стружки? Но они терпеливо всё переносят, потому что знают, что большая часть чудотворных икон писана по дереву. Это они излучают нетварный Фаворский свет, испускают благоухание, мироточат, плачут и темнеют в предчувствии бед и скорбей, и даже

источают кровь, и не горят в огне. И наконец, иконы исцеляют! И за всем этим стоит их смирение и вера в божественное предназначение. А ведь и на вас стоит божественная печать «креста»! Но если вам не судьба уже подняться с земли, то считайте, что удобрили почву для других растений.

Все кресты погрузились в молчание. Стародуб почувствовал, как холодный сок под корой вдруг заструился там, где ствол, казалось, давно уже высох. Вероятно, это было вызвано тем, что к этому месту люди прислонили несколько ветхих крестов с могил, точно надеются, что я избавлю их от червей и гнили...

– А в чём величие людей? – вступил в разговор второй по возрасту дуб на кладбище, которому было 500 лет. – Если люди повинны в гибели большинства лесов? Более того, человек смотрит хозяином не только на деревья – он убеждён, что вся природа Земли создана в услужение ему. Человек считает, что и солнце светит ради него, луна со звёздами украшает его ночь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.